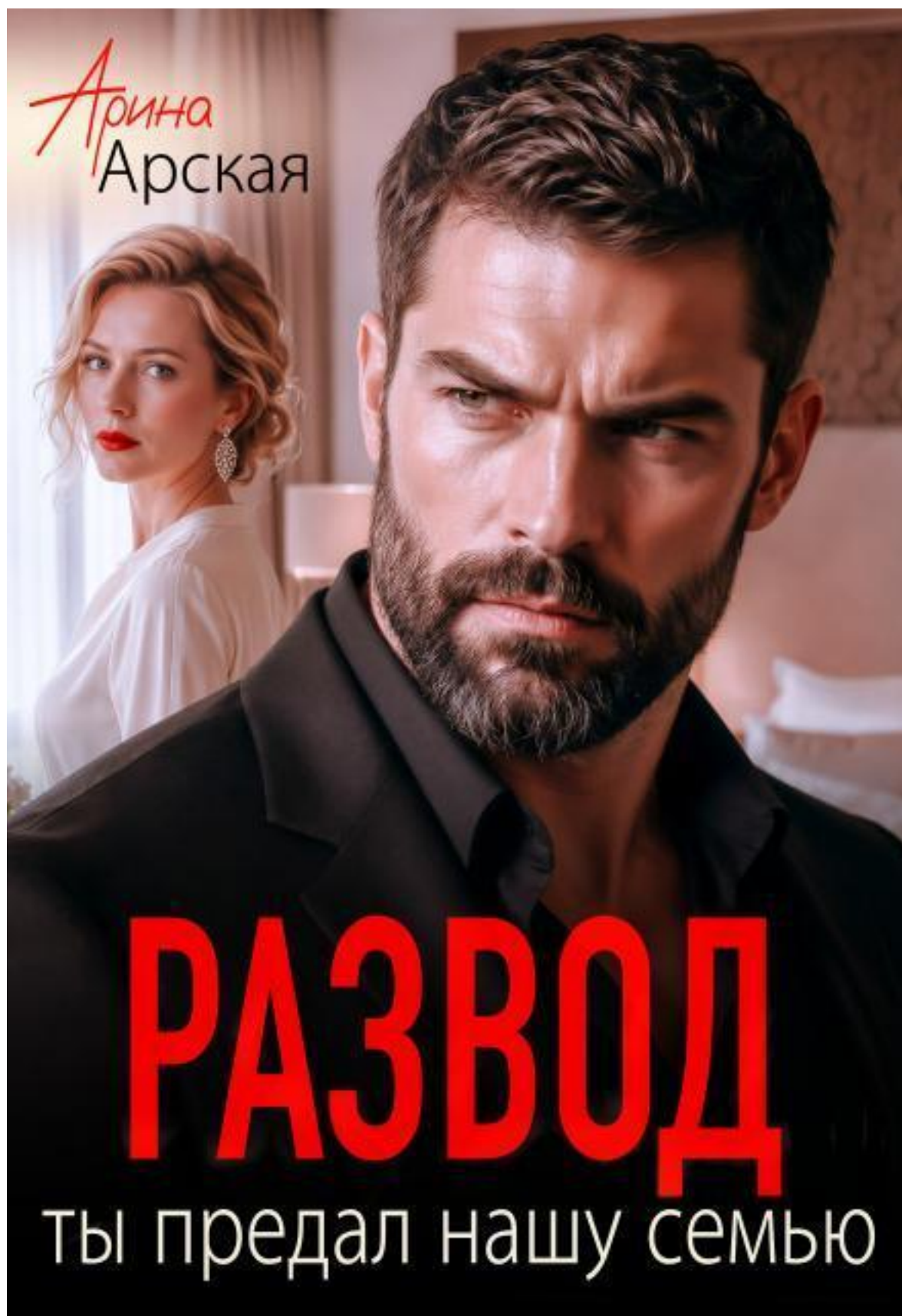

Арина
Арская

РАЗВОД

ты предал нашу семью

Арина Арская

Развод. Ты предал нашу семью

«Литнет»

2023

Арская А.

Развод. Ты предал нашу семью / А. Арская — «Литнет», 2023

— Прости, что? — отставляю стакан. — Кто отец? — Ты все услышала с первого раза, — мой муж не отводит прямого и тяжелого взгляда. — Может, у меня слуховые галлюцинации, милый? — провожу ладонью по гладкой каменной столешнице и медленно проговариваю. — Твоя студентка ждет ребенка, и его отец — ты? — Да. У нас за плечами пятнадцать лет брака, три ребенка. Два сыночка и лапочка-дочка. Как в сказке. Было, как в сказке. *** Правильных героев нет. Бесить будут все: дети и взрослые. Ситуации вызовут гнев и раздражение. Все сложно. Все, как в жизни. Вызов для меня, для вас. Ругать героев можно, но автора - нет. И на личности других читателей не переходим. Обсуждаем только героев.

Содержание

Глава 1. Кто отец?	5
Визуализация	8
Глава 2. Я просто устала	9
Глава 3. Ради детей?	12
Глава 4. Только не это	15
Глава 5. Я ему надоела?	17
Глава 6. Всё имеет цену	19
Глава 7. Спасибо тебе	21
Глава 8. Свободна	23
Глава 9. День откровений	25
Глава 10. Не кипишуй	27
Глава 11. Я не ты	29
Глава 12. Мы должны	31
Глава 13. Ищи плюсы	33
Глава 14. Будь старшим	35
Глава 15. Встал, но не вопрос	37
Глава 16. Ругать не будешь?	39
Глава 17. Ты тут?	41
Глава 18. Я не хотел всего этого	43
Глава 19. Не говорите им	45
Глава 20. Не твоё дело	47
Глава 21. Не натягивается шкурка	49
Глава 22. Ты не простишь	51
Глава 23. Я тебе поверил	53
Глава 24. Будь в курсе	56
Глава 25. Я не хочу, чтобы ты был рядом	59
Глава 26. Нет! Нет! Нет!	62
Глава 27. Это лирика	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1. Кто отец?

— Одна из моих студенток, — Глеб смотрит мне в глаза прямо и мрачно, — забеременела.

— Я сама на втором курсе ходила с пузом, — делаю глоток воды и смеюсь. — Как вспомню, так вздрогну.

— Нин, — глаза Глеба темнеют, — отец — я.

Как можно отреагировать на такую новость от мужа, с которым ты пятнадцать лет в браке и с которым воспитываешь трех детей: двух сыновей и дочку? Арсению — четырнадцать, Марку — двенадцать, Аленке — восемь.

— Прости, что? — отставляю стакан. — Кто отец?

— Ты все услышала с первого раза.

— Может, у меня слуховые галлюцинации, милый? — провожу ладонью по гладкой каменной столешнице и медленно проговариваю. — Твоя студентка ждет ребенка и отец ты?

— Да.

Я отступаю под тяжелым взглядом Глеба, приваливаюсь к холодильнику, и с дверцы медленно сползает дурацкий сувенирный магнитик из Египта. Две желтые пирамидки.

— Нин.

Крик застревает в глотке стеклянным холодным шаром. Я будто перед собой вижу не любимого мужа, а маньяка, который пришел вспороть мне брюхо.

Честное слово, лучше бы вскрыл мне живот.

— Студентка? — шепчу я.

Глеб по понедельникам и пятницам ведет пары в университете на факультете “Финансы”. Дисциплина — “инвестиционная стратегия предприятия”. И это, по сути, его отдушина.

Он хотел быть преподавателем, но не сложилось, и пару лет назад после нашего серьезного разговора он позволил себе раскрыть в себе не только “акулу” бизнеса, но и наставника для молодых и дерзких.

Парочку вьедливых и амбициозных студентов он даже пригрел под крылышком с целью слепить из них перспективных топ-менеджеров.

— Нин, — Глеб хмурится. — Я ее не люблю.

У меня так широко распахнуты глаза, что веки сейчас вот-вот разойдутся. Протягиваю руку к дверце одного из шкафчиков и медленно стягиваю с него полотенце.

— Это была одноразовая связь, Нин, — Глеб не отводит от меня взгляда. — У меня просто крышу сорвало.

— На молодуху потянуло? — с губ срывается короткий смешок. — Сколько ей? У тебя первый и второй курсы... Лет восемнадцать?

Глеб не отвечает, а я сглатываю. Я как бы тоже для него не совсем старуха-то. Я на десять лет младше. Ему — сорок пять, мне — тридцать пять.

— Результаты теста...

— Заткнись.

— Она после того раза исчезла с моего поля зрения. Появилась сейчас. Выждала три месяца, и...

— Три месяца? — прижимаю полотенце к груди.

— Нин, — хмуро вглядывается в мои глаза. — Я совершил ошибку, и я хотел эту ошибку скрыть, но... сейчас ты должна все знать.

Я абсолютно не была готова к тому, что у моего мужа будет ребенок на стороне от связи со студенткой.

В мою картину мира никак не вписывается такая подлость от близкого человека, с которым я прожила пятнадцать лет в браке. В крепком, доверительном браке.

Мой муж не может быть подлецом.

Это какой-то абсурд.

Это у других мужья изменяют, а мой — не такой.

— Что ты молчишь?

— Уходи, — сипло отзываюсь я.

Я не чувствую в сердце боли. Я его сейчас вообще не чувствую после слов Глеба, который молчит и бурлит меня темным взглядом.

— У-хо-ди, — повторяю я по слогам, а затем срываюсь на крик, — проваливай!

А он сидит и смотрит на меня. В голове моей что-то щелкает.

Я с криком кидаюсь на него и бью полотенцем по его наглой роже, которую сегодня утром равнял триммером в ванной, пока я чистила рядом зубы, потом по шее и прохожусь остервенелыми ударами по широким плечам.

— Ты не мог! Это неправда! Ты лжешь! Это опять твои тупые шутки!

Он уворачивается. Затем встает и перехватывает мои запястья.

— Нина, боюсь это не шутка.

— У нас же дети! — вскрикиваю я и пытаюсь вырваться. — Какая к черту студентка?!

— Это было лишь один раз, — он вглядывается в мое лицо. — Ошибка... Нин... Ты бы ничего не узнала, но она залетела.

У меня голова кружится, и в висках пульсирует кровь. Глеб всматривается в мои глаза, чего-то ожидая от меня кроме истерики, шока и гнева.

— Поговори со мной.

— Пусти меня.

— Ты моя жена, — он встряхивает меня за плечи. — И ребенка на стороне я не буду от тебя скрывать. Так получилось, Нина.

— Это какой-то абсурд...

— Я был пьян, — хрипло шепчет он.

— Я не хочу ничего слушать! — вырываюсь и в ужасе пачусь. — нет... нет. Нет! — вскидываю в его сторону руку, когда он делает ко мне шаг. — Не подходи ко мне.

— Я облажался, но ты должна была знать.

— Заткнись.

— На аборт ее уже не отправить, — медленно проговаривает он. — Я не знал, Нин. Я хотел обо всем этом забыть, вычеркнуть...

Я будто в ядовитом мареве. В ушах гудит. Во рту отдает сладкой гнилью.

Почему сейчас?

У нас за плечами пятнадцать лет брака, три ребенка. Два сыночка и лапочка-дочка. Как в сказке. Было, как в сказке.

— Нина.

— Отпусти меня.

— Мам! — из глубины дома доносит голос Арсения. Нашего старшенького. — Аленка, не кусайся!

Смех дочери, топот ног, и хватка Глеба слабеет.

— Да блин! Аленка! — рывкает Марк, наш средний сын. — Уши оторву!

— А ты догони! — хохочет Аленка и в следующую секунду визжит сквозь хохот.

Видимо, поймал Марк нашу Аленку. Глеб сглатывает. Наблюдаю будто в бреду, как его кадык перекачивается под кожей.

— Что ты наделал... — сдавленно шепчу я. — Глеб...

— Мам! Мама! — верещит Аленка из гостиной. — Марк меня обижает. Мам! Отстань! — опять срывается на хохот. — Дядь Паш... Помогите! Блин!

Глеб отступает, и в этот момент на кухню заходит наш водитель Павел. Крепкий седой мужичок с пышными усами под носом-картошкой.

— Орду привез, — стоит по стойке смирно. — Целыми и даже без переломов.

— Мам!

Павел успевает шагнуть в сторону, и на кухню с визгом влетает растрепанная Аленка. С криками прячется за моей спиной, а затем, решив, что я так себе защита от разъяренного Марка, который появляется в проеме двери, кидается за Глеба:

— Пап! Пап! — хитро выглядывает из-за него и щурится на брата. — Они меня обижают. Особенно вот Марк.

— Есть чо пожрать? — Марка в сторону отодвигает Арсений, зевает и проходит мимо меня к холодильнику, взъерошив темные волосы. — И вас к директору вызывают. На меня опять эта стерва с тремя волосинами взъелась, — открывает холодильник и заглядывает в его нутро. — Марк, будешь курицу?

— Буду, — кривит рожицу Аленке, которая показывает язык, и садится за стол.

— А где вопросы? — Арсений ставит на стол курицу, что накрыта пищевой пленкой, и с подозрением смотрит на меня.

— За что взъелась? — едва слышно спрашиваю я и прижимаю ладонь к груди, чтобы слабое сердцебиение напомнило, что я все еще жива.

— Я считаю, что ни за что, — Арсений срывает с курицы пленку.

— А еще они руки не помыли, — шепотом ябедничает Аленка.

— Да блин! — фыркает Марк, недовольно выходит из-за стола и шагает к раковине, закатывая рукава. — Какая ты противная, Ален.

— На твоих руках — глисты! И они будут у всех! Длинные такие! Белые! Сожрут твои кишки!

— Мам! — испуганно вскрикивает Арсений.

Я слышу грохот и чувствую щекой холодную плитку. Ножки стульев и стола плывут перед глазами и их пожирают черные пятна обморока.

Моя сказка “жили долго и счастливо” окончена. Добро пожаловать в жестокую реальность, Нина. Твой муж способен на предательство.

Визуализация

Нина Бурова, 35 лет

Глеб Буров, 45 лет

Арсений Буров, 14 лет

Марк Буров, 12 лет

Алёна Бурова, 8 лет

Глава 2. Я просто устала

— Нина, — меня из липкой темноты вытягивает тихий голос Глеба.

Холодный край стакана касается моих губ, и я машинально делаю глоток воды.

— Мам, — слышу обеспокоенный хриплый голос Арсения. — Ты как?

Поднимаю на него взгляд. Он так похож на своего отца. Черными глазами, высокими скулами.

— Так, давайте без сюрпризов, — Глеб отставляет стакан и помогает мне встать на ватные ноги. — Перекусите и за уроки.

— Там есть еще суп... — шепчу я.

— Мам, — пищит Аленка.

— Я просто устала, золотко...

— Мам, выпей еще воды, — испуганно шепчет Марк.

— Маме надо отдохнуть, — Глеб подхватывает меня на руки. — Сидим мышками, — оглядывается на Арсения, — а про директора позже поговорим.

— Да там ничего такого, на самом деле... правда. Мам, ну ты чего? В первый раз, что ли? У меня нет сил взбрыкнуть или оттолкнуть Глеба. Голова кружится и тошнит.

— Не дергайся, — едва слышно говорит он и выносит меня из кухни. — Паш, звякни Гале.

Галя — наш семейный доктор. Она с нами уже десять лет. Почти член семьи, однако я не хочу ее сейчас видеть.

Я просто перенервничала, и давление упало. Ничего особенного.

— Отпусти меня...

— Тихо, Нин, — Глеб хмурится. На переносице пролегает глубокая морщина. — Тебе надо прилечь.

— А тебе уйти.

— Нет.

— Как ты мог... Господи...

Поднимается по лестнице. Ступенька за ступенькой. Смотрит перед собой. Лицо — камень. Лишь глаза горят отрешенной мрачностью.

Ногой открывает дверь, вносит меня в нашу спальню и кладет на кровать, к изголовью которой он сегодня ночью привязывал мои запястья. Он пытал меня поцелуями, а после обнимал меня сильными руками.

— Проваливай...

Он накрывает меня второй половиной одеяла, после подходит к двери и запирает ее на замок. Стоит минуту ко мне спиной, проводит ладонью по щеке и разворачивается ко мне.

— Нина...

— Замолчи.

— Я лишь раз... Только один раз, — хрипло шепчет он. — Я знаю, что я не должен был этого делать, Нина. Но сейчас мне от этого не легче. Ты моя жена. Я тебя люблю, никакая интрижка этого не изменила.

— У тебя будет ребенок...

— А еще у меня их трое, — подходит к кровати и сверлит меня черным взглядом. — Трое любимых детей, которых я хотел.

— Что же ты...

— Не подумал о них? — усмехается. — Что я должен ответить на этот вопрос? Что я эти три месяца себя говном чувствовал?

— Ты должен уйти, — шепчу я. — Ты не имеешь права больше находиться здесь.

— Я не уйду. Нина, я действительно сожалею. И я тебе не лгу.

Взгляда не отводит и ждет того, что я приму его сожаления и пойму его.

— Это... — задыхаюсь. — Глеб, ты нагулял ребенка. Чего ты ждешь от меня? Что я приму его? Может, — сажусь. — Ты сейчас предложишь познакомиться с твоей беременной сучкой?

Я хочу открыть рот и просто орать на него, чтобы выплеснуть все отчаяние, которое жжет глотку ядом.

Но внизу дети. Наши дети, которые не заслужили всего этого.

— Я хочу... Я не знаю... Я хочу, чтобы ты была моей женой, с которой я могу все это обсудить.

— Я готова обсудить с тобой развод... — мои руки как безвольные ветки.

И меня опять ведет в сторону от слабости. Я падаю на подушку.

— Нина, — Глеб похлопывает меня по лицу. — Посмотри на меня.

— Не хочу на тебя смотреть, — пытаюсь отпихнуть его лицо пятерней, а он прижимает мою руку к кровати.

— Ты единственная женщина, которую я любил и люблю. Слышишь? Мы это пройдем вместе. Не отталкивай меня.

— Ты сам себя слышишь? — в изумлении всматриваюсь в его глаза. — Я не хочу этого проходить, Глеб. Ты как себе это представляешь?

— Я не знаю! — он неожиданно рычит в мое лицо. — Не знаю!

— А наши дети?

— Я не знаю!

Отшатывается от меня, опирается локтями о колени и накрывает лицо руками:

— Хорошо, Нин, я решу этот вопрос.

Я улавливаю в его голосе нехорошие нотки гнева. Он не тот человек, который кричит при ярости. Если его накрывает злоба, то он становится тихим.

— Что ты решишь?

— Я не должен был всего этого тебе говорить, — убирает руки с лица и смотрит в пустоту. — Исповедовался, мать твою... — хмыкает. — Что ж я за идиот-то такой? И действительно. Чего я ждал?

Смотрит на меня:

— Прости. Ты ведь женщина. Жена и мать, а не друг. Слушай, я... — делаю паузу. — Я буду против развода. И дети, я думаю, не обрадуются такому раскладу. У Арса ведь и так проблема за проблемой, Нин. Он ведь сорвется. А Марк, а Алёнка?

— Не прикрывайся детьми, Глеб. Не смей.

— Это должно остаться только между нами, — его лицо бледнеет.

— Облажался и хочешь сохранить лицо? — горько усмехаюсь я. — Остаться хорошим папочкой? Ты как это себе представляешь? Мне заткнуться? А что с твоей малолетней шлюхой? Ты и ее заставишь молчать? Заткнешь ее пасть деньгами? А потом? Потом ты на две семьи будешь жить? Так, что ли?

— А лучше все разрушить? Ты к этому сама готова, Нина? — зло шепчет он.

Меня подбрасывает с кровати. Я хватаю с тумбочки ночник, вырвав штепсель из розетки, и швыряю его в стену. Абажур отлетает, лампочка с тихим звоном разбивается.

— Мам, — пищит за дверью Аленка и дергает дверь. — Мам, мы супчик принесли. Мам...

Меня трясет крупной дрожью, и я не могу отвести взгляда от Глеба, который медленно выдыхает.

Мои дети не заслужили всего этого кошмара.

— Открывайте, — тихо говорит Марк. — Что у вас там? Папа! Ты там?

— Отойдите, — командует Арсений. — Ща выломаю. Я знаю, как это делать.

— Я прошу тебя, Нина, — шепчет Глеб и встает. — Не руби сплеча.

— Давай вдвоем? — предлагает Марк.

— Давай. Раз-два...

— Я иду. Я же сказал без глупостей, — подходит к двери и отпихивает носком абажур в сторону.

Щелкает замком и открывает дверь:

— Тут осколки. Осторожно.

Глава 3. Ради детей?

В тарелке с чечевичным супом лежит куриная нога. Аленка протягивает ложку:

— Кушай.

— Мам, — Арсений смотрит на меня исподлобья. — Там ничего серьезного. Просто мы с Булкой опять пацапались.

— Ее зовут Зинаида Аркадьевна, — шепчу я.

— Ладно, с Зинаидой Аркадьевной, — фыркает он. — Не любит она меня.

— Год только начался, Арс, — Глеб вздыхает. — А нас уже два раза вызывали.

— Кушай, — повторяет Аленка и лезет на кровать. — Давай, я тебе накормлю.

— А у меня все хорошо, — Марк улыбается, перетягивая внимание со старшего брата на себя. — Никого никуда не вызывают.

— Открой рот, — Аленка подносит ложку с супом к губам. — Мам... Самолетик прилетел.

— У этой Булки вечно я во всем виноват, — Арсений ворчит и поднимает с пола абажур. Вертит его в руках. — Мужика нет...

— Арс, — охаю я, и Аленка сует мне в рот ложку, которая неприятно стучается о зубы.

— Вкусно же. Ня-ням.

Аккуратно забираю ложку у Аленки, вытираю подбородок от потёков супа и медленно выдыхаю.

— Ребят, за супчик спасибо, но...

— Ладно, — говорит Арс, всплеснув руками, — я послал Булку. Далеко и надолго. Она меня просто выбесила, Мам. То не так сижу, то не так читаю, не так пишу, не так хожу. Вот и послал.

— Чо, вот прям послал? — Марк с удивленным благоговением смотрит на старшего брата. — Прям на три буквы.

— Не только на три буквы.

— Ого.

— Я же сказал, вопрос твоего очередного косяка обсудим вечером, — отзывается Глеб сдержанно и сухо. — Давайте, за уроки.

— А можно я останусь, — Аленка оглядывается на Глеба и складывает бровки домиком. — У меня мало уроков.

— И тебя это тоже касается.

Хочу ли я того, чтобы мои дети узнали, что их отец - неверный муж?

Нет.

Я несу за них ответственность в том числе и в такой страшной и липкой ситуации. Я должна, как мать, их максимально обезопасить.

Да, мне хочется бегать по спальне с криками, что их отец ждет на стороне ребенка, но это во мне говорит эгоизм. И этот же эгоизм желает найти в моих детях поддержку и союзников против предателя.

Но...

Я могу им навредить. Если Глеб не подумал о последствиях, то теперь я должна лавировать и вывести наш корабль, что напоролся на рифы, к берегу на мелководье.

— Мам, — шепчет Марк.

— Я устала, милый, — поднимаю на него взгляд. — Идите покушайте и садитесь за уроки.

— Я останусь, — упрямо шепчет Аленка и пытается вырвать у меня ложку, — я должна покормить тебя. Ты не кушаешь.

Наших детей ждет удар. Жестокий и бесчеловечный удар. Глеб хочет этого избежать, а я в тупике.

Ради детей заткнуться?

Ради детей принять тот факт, что Глеб мне изменил с последствиями и помочь ему разгрести за ним дерьмо?

Ради детей быть понимающей идиоткой, которая безоговорочно верила мужу?

Что мне делать?

Меня начинает опять трясти, и я хочу орать. На Глеба, на сыновей, на дочь. Под волной отчаяния, гнева и ревности я готова первой нажать красную кнопку и разрушить нашу семью злой правдой. Сжечь все напалмом и разрушить, чтобы мои дети встали на мою сторону. Чтобы они вместе со мной кинулись на Глеба и отвергли его.

Он — предатель.

Но вместе с этим — он мой муж. И за столько лет стал кем-то большим чем супруг и любовник.

Он для меня...

Друг.

Очень близкий родственник, с которым мы вечерами много обсуждаем в уютном полумраке перед сном.

— Уроки, — грозно повторяет Глеб, и Арс стягивает Аленку с кровати за подмышки.

— Пошли. Пусть тут посидят и побубнят, кто из них виноват в том, что я вырос таким, — оглядывается, — мам, серьезно, тебе стоит легче относиться к моей учебе.

Переступают осколки, выходят из комнаты и закрывают дверь.

Я выжидаю минуту, после встаю и на носочках подкрадываюсь к двери. Выглядываю в коридор. Стоят мои любопытные детки-конфетки и неловко улыбаются.

— Привет.

— За уроки марш.

— Ладно, — Арс закатывает глаз, и уводит Марка и Аленку к лестнице.

Закрываю дверь и приваливаюсь к ней спиной, блеклыми глазами глядя на молчаливого Глеба.

Он был хорошим мужем и хорошим отцом, но наше будущее перечеркнуто. Смириться с ребенком на стороне?

Я судорожно раздумываю над тем, как все исправить, мой мозг отказывается пропускать импульсы через нейроны.

— Нина.

На несколько секунд роняю подбородок на грудь. Вдох и выдох. Я не должна поддаваться панике и истерике. Будь я бездетной обманутой женщиной, тогда я бы могла разойтись.

Поднимаю мутный взгляд:

— Один раз?

— Да, — Глеб не отводит от меня твердого взгляда. — Я не лгу, Нин. Один раз.

Я прислушиваюсь к себе. Мерзко. Холодно. И почему-то очень одиноко, хотя мой муж сидит от меня в нескольких шагах.

— Я не смогу... — шепчу я и мой голос дрожит слезами. — Глеб... Я не знаю... Я не смогу... Я... Нет, я...

— Мы должны попытаться, — буравит меня черным взглядом. — Ты ведь и сама понимаешь, что развод — не выход.

— А дети?

— Они ничего не узнают, — опускает взгляд на свои руки. — Моя ошибка не появится в их жизни.

Прижимаю ладонь к губам и смотрю перед собой. Хорошая мать вскрывает детям всю правду или оберегает от нее?

— Это нечестно, Глеб, — шепчу в мокрые от пота пальцы.

— Я знаю, Нина, — поднимает взгляд. — Помоги мне сейчас. Будь рядом, как близкий человек, как часть меня самого.

Глава 4. Только не это

Я — раненый зверь в клетке, но на ней нет замка. Стоит она на минном поле, и любой неосторожный шаг может закончиться трагедией.

Я могу вырваться, но своей необдуманной яростью и свободой наврежу детям.

— Нин.

Как? Как я допустила подобное?

Слишком доверяла? Что-то не заметила в жизни Глеба?

Наверное, я должна с ним поговорить, понять его... Не чужой же человек.

И он ведь заслуживает того, чтобы я сейчас взяла себя в руки и поговорила. Он меня никогда не обижал, любил, заботился и не отлынивал от семьи.

— Господи, — накрываю лицо руками.

Я должна сдерживать в себе крики и агрессию.

— Нин.

— Заткнись, — цежу я сквозь зубы.

А в следующую секунду я в тихой, но яростной борьбе пытаюсь вырваться из рук Глеба, который прижимает меня к своей груди, игнорируя мое сопротивление.

— Прекрати, — кричу шепотом. — Не трогай меня!

— Прости, Нина, — мажет губами по виску, щеке и шее. — Прости меня.

Глаза жгут слезы, грудь клокочет от криков, которые я не могу выпустить из себя, и меня сотрясает в немых рыданиях.

— Прости...

Он оседает на пол, увлекая меня за собой, и продолжает целовать. Его губы оставляют на мое влажной от слез коже ожоги.

Мне больно. Так больно, что раскаленные иглы под ногтями показались бы детской шалостью.

Я умираю в объятиях любимого мужа.

Мое сердце гниет, покрывается струпиями и язвами.

— Прости меня, — Глеб утыкается в мою шею лицом. — Нина, это было глупости. Один раз. Всего один.

У предательства есть градация?

Наверное.

Но препарировать причины, взвешивать вину и оценивать обман можно только на холодную голову.

А у меня сейчас в голове мозг расплавился и булькает паникой, ревностью и отчаянием.

— Пусти меня.

— Нет. Не отпущу.

— Мы не можем.

— Можем.

— За что, Глеб?

— Я не знаю. Не знаю, Нина.

Я все же выворачиваюсь из его рук и отползаю к комоду. Меня продолжает трясти.

— Ты ведь знаешь, что я люблю только тебя. Мы столько лет прожили.

Да, и эти года все усложняют, как и наши дети.

Я должна быть сильной, взрослой и разумной, чтобы понять, как дальше быть, а я хочу все бросить и сбежать. И ведь детей в охапку всех не соберешь, потому что они давно не младенцы.

— Я, как и ты, растерян, — Глеб всматривается в мои глаза. — Мне этот ребенок не нужен, я его не хотел, не планировал...

— Прекрати, а то ты сейчас договоришься, что притащишь его в наш дом, — руки холодные и потные. Я вытираю их о подол платья.

— Не говори глупостей, — смотрит в сторону и хмурится.

— Ты еще и не предохранялся, — шепчу я. — О чем ты думал?

— В тот момент? — переводит мрачный взгляд на меня. — Ни о чем, Нина.

— Ты так нажрался, что совсем не соображал? — шепчу я.

А затем я вспоминаю тот вечер, когда он пришел пьяный с корпоратива и как молча, сшибая все на своем пути, поднялся на второй этаж в нашу спальню и заперся в ванной комнате на пару часов.

А затем всю ночь прижимал меня к себе и неразборчиво шептал, что я у него сокровище и что он меня любит больше жизни. Благодарил за сыновей, за дочь и за то, что я такая любимая.

— Я тогда ничего не сказал, потому что думал, что пронесет. И если бы пронесло, Нин, я бы с собой это в могилу унес, — сжимает кулаки. — Ты бы ничего не узнала.

Мне холодно от его слов, потому что я бы предпочла жить в неведении. И то, что Глеб решил тогда смолчать, скрыть правду о том вечере и продолжить жить, как жил, было, наверное, правильно.

Но это только в том случае, если бы не было беременности.

Мы прожили с Глебом слишком много лет, и у нас схожие характеры и взгляды на жизнь. О некоторых моментах, что могут уничтожить семью и травмировать детей, лучше молчать.

Это наш кризис. Наши отношения, которые полетели под откос, и швырять детей в эту грязь, не осознав всех последствий, нельзя.

— Оставь меня, — провожу ладонью по лицу, пытаюсь стереть с себя напряжение и страх за будущее. — Я не готова сейчас к разговору, вопросам и ответам. Иди к детям. Я... хочу побыть в тишине, Глеб. Уж на это у меня есть право сейчас? Мне смотреть на тебя сейчас больно и тошно, — выдыхаю и рычу. — Меня буквально мутит от твоей рожи, Глеб.

А затем я замираю, как и мой бледный муж. Шестеренки в голове скрипят, потом резко проворачиваются, стирая зубчики, и я медленно выдыхаю в попытке осознать реальность.

— Глеб, оставь меня, пожалуйста, — хрипло шепчу я.

Мозг уже не просто булькает, а плавит череп.

— Что случилось? — тихо спрашивает Глеб.

А я не шевелюсь с широко распахнутыми глазами, прислушиваясь к слабой тошноте, и я ее узнаю. Я родила трех детей.

И я планировала только трех. Два мальчика и девочку.

Я ведь сижу на таблетках. И я ни разу не пропускала прием.

Ну, может, пару раз позже их глотала, когда выматывалась на работе и с детскими разборками, кто кого обидел.

Нет. Я не могу быть беременной. Не сейчас. Это подстава. Это подлость. Дайте мне разобраться для начала с изменой мужа, и только потом бейте по голове второй раз.

— Нин, — Глеб касается моей руки, а я ее одергиваю и прижимаю к груди.

Он об этом не узнает. Никто не узнает. Потому что... потому что я планировала только троих детей.

— Дай мне побыть одной, — цежу сквозь зубы. — Ты сказал мне достаточно.

— Понял, — Глеб встает и шагает к двери. — Да, тебе надо эту новость переварить.

Не буду истерить и паниковать. Тошнота может быть просто тошнотой.

— Глеб, что случилось? — слышу за дверью встревоженный голос Гали, нашего семейного доктора. — Ты что тут такой бледный стоишь? С Ниной что-то? Господи! Да что ты молчишь?!

Глава 5. Я ему надоела?

— У тебя давление низкое, — Галя хмурится на циферблат манометра, а после вытаскивает из ушей стетоскоп.

Я плююсь на люстру.

Меня все еще тошнит.

— Нин.

— Что?

— Какие еще жалобы?

— Никаких.

Галя стягивает манжету тонометра с моего плеча и вздыхает, ожидая, когда я заговорю, но я молчу и продолжаю пялиться на люстру.

Белые лепестки из тонкого стекла, золотая каемка по краю. Я с Глебом несколько часов выбирала эту люстру.

Галя смотрит на Глеба, который стоит у двери привалившись к стене плечом.

— Отключилась на несколько секунд, слабость, — отвечает тот.

В некоторых моментах я дотошная и противная, но у Глеба иммунитет к моим капризам. Он всегда спокоен. Я могу по всему городу его гонять в поисках идеального пледа в спальню, а он не психует и не ищет отговорок, чтобы слинять.

И только с очень близким и любимым человеком можно быть таким спокойным, как удав и не раздражаться на вопрос, какая расцветка лучше. Терракотовая или оранжевая.

Я его достала?

Я ему надоела?

Я задушила его бытом?

Он перестал чувствовать себя рядом со мной мужчиной?

Он соскучился по девичьему восторгу, которое очаровывает многих мужчин после сорока?

У него кризис среднего возраста?

Он устал от того, что он муж и отец, и он захотел легкости, по которой каждый из нас тоскует после определенной границы прожитых лет?

Некоторых мужчин после сорока косит либо внезапная смерть либо женщины. Молодые, красивые, свободные и легкие.

Мой муж жив, и здоров, как племенной бык. Он следит за питанием, за режимом сна, занимается спортом и утренними пробежками. И его кинуло не к костлявой, а к юным и красивым.

А юные и красивые не моют мозги, что старший сын с кем-то опять подрался, а средний устроил случайно пожар в кабинете химии. И нет у них дочери, которая часто болеет.

— Нина.

— Ты можешь идти, Галь, — слабо улыбаюсь я. — Зря тебя вызвали. Извини.

— Давай сердечко послушаем, — возвращает стетоскоп в уши

Галя — крупная женщина с короткой стрижкой и цепкими серыми глазами за толстыми стеклами очков.

Я задираю блузку. Глеб продолжает сверлить меня взглядом.

Возможно, я зря считала, что у нас в постели с ним все в порядке? Ему захотелось новизны и свежести?

Хотя...

Что толку искать причины? Допустим, я пойму его измену и приму ее, но последствие, которое скоро появится на свет и в первый раз закричит, мое мудрое “прощение” не исправит.

У Глеба будет ребенок.

Меня же саму тошнит.

И я в первую очередь должна думать не о своей гордости и обиде, а о детях, их реакции и их будущем.

Вздрагиваю, когда солнечного сплетения касается головка стетоскопа. Галя едва заметно щурится, прислушиваясь в тихое биение моего сердца.

— Все в порядке? — тихо спрашивает Глеб, и Галя поднимает палец, требуя тишины.

Через минуту он откладывает стетоскоп:

— Ничего жуткого и страшного не услышала, — хмурится. — Сердце ни при чем, я думаю.

— Я просто перенервничала.

— Давление тебе поднимем, — Галя лезет в пластиковый чемодан, с которым обычно катается скорая, копается в нем и через мину втыкает в меня тонкую иглу шприца, — а то оно у тебя, как у мертвеца.

Она же ему в дочери годится. И не с натяжкой в разнице лет.

Это же скандал. При желании можно вывернуть все так, что Глеб принудил ее к связи. И ведь такие истории, когда преподаватели склоняли девочек к близости — не редкость.

На этом можно сыграть, если, конечно, ты хитрая и продуманная стервь. И восемнадцатилетки есть такие.

В голове затихает гул, и взгляд немного проясняется.

— Легче? — Галя всматривается в глаза.

— Да, легче.

Закрывает чемоданчик и вновь смотрит на меня:

— Тебе надо последить за своим давлением, Нин, и я тебя все равно к нескольким специалистам отправлю, — переводит взгляд на Глеба, — выдыхай. Жена не умирает.

Подхватывает чемоданчик:

— Провожать не надо, я знаю где выход.

— Спасибо, Галь.

Выходит, и Глеб опять закрывает дверь. Сжимаю переносицу и шепчу:

— Ты уверен, что ты — отец? Может, тебя хотят поймать?

И как мне мерзко от своих же слов.

— Стал бы я тебе все это говорить без... результатов теста, Нин. У меня на руках несколько бумажек из разных клиник, — Глеб на медленном выдохе закрывает глаза. — Я — отец.

— Я хочу посмотреть на эти бумажки, — смотрю перед собой и стискиваю тонкий плед. — Покажи их мне.

Глава 6. Всё имеет цену

Заключение №23407 по результатам дородового анализа ДНК на отцовство.

У меня перед глазами буквы плывут, и зажимаюсь, после вновь утыкаюсь взглядом в текст.

Вероятность отцовства: 99,999%.

Предполагаемую мать зовут Цыбина Надежда.

Откладываю очередной положительный результат теста. И уже и кричать не хочется.

Это конец.

Конец моей счастливой семейной истории.

— Какой у тебя план? — перевожу взгляд на Глеба. — Жить на две семьи?

— Мне не нужна вторая семья, Нина.

— А ребенка?

— По закону я обязан только содержать ребенка, — глухо отвечает Глеб.

— То есть ты считаешь тебе этого будет достаточно? Или твоей девочке будет достаточно?

— Она не моя девочка.

— Ладно, — медленно выдыхаю из себя клокочущий гнев. — Ты тот человек, который может откупиться от ребенка деньгами и жить спокойно?

Глеб смотрит мне в глаза.

— Я не знаю.

— Ситуацию просто швах, Глеб, — коротко смеюсь, делаю выдох и отстраненно продолжаю. — Допустим, я принимаю решение сыграть в эту гадкую и отвратительную игру, но где гарантия, что это не вскроется?

Меня сейчас вывернет на грудь Глеба курицей и чечевичным супом. Я сама не верю в то, что мне приходится говорить такие мерзкие вещи.

— Ладно. Предположим, что ты откупаешься деньгами, не чувствуешь угрызений совести и тебе действительно все равно на ребенка, — делаю паузу, что дожидаться, когда приступ тошноты и омерзения затихнет, — но студенточка?

— Нин, — Глеб усмехается, — все имеет свою цену.

— И ты согласишься на пожизненный шантаж от малолетки? — вскидываю бровь. — Seriously?

Молчит. Я тянусь к стакану с водой, а затем его опустошаю крупными глотками.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — серьезно спрашивает Глеб.

Надо абстрагироваться от того, что он мой муж. Я должна сейчас посмотреть на него, как на родственника, друга и партнера, который облажался. И не жена с ним сейчас должна говорить.

Жена может кричать, крушить все вокруг, падать в обморок и рыдать, но все это безумие ни мне, ни моим детям не поможет.

— Я думаю, что у тебя, во-первых, не выйдет быть просто кошельком. Будь в тебе столько циничности и мерзости, то ты бы... наверное, решил бы вопрос со студенткой так же мерзко и жестоко. Сейчас этот ребенок лишь в животе, а когда родиться, ты будешь думать о нем, возвращаться мыслями к нему.

Делаю передышку и отставляю стакан. Тяжело быть разумным человеком, когда потерял опору под ногами. Я лечу в бездну, и в полете, вся переломанная и окровавленная, веду диалог с тем, кто толкнул меня с обрыва.

— Во-вторых, вестись на шантаж малолетки? Ты ведь человек бизнеса, Глеб, и должен понимать, что такой сценарий... — хмыкаю. — Провален? Не поэтому ли ты все вывалил на меня? М? Если бы был уверен, что заткнешь ее и получится дитятку скрыть, то ты бы промолчал.

— Я должен был быть честным с тобой.

— Это лишь красивые слова, — качаю головой. — Хотел бы быть честным, то тогда бы все и рассказал. В ту ночь.

— Да, должен был.

— И ты считаешь, что я должна жить в таких условиях с тобой? — шурюсь. — И ждать, когда рванет? — поддаюсь к нему. — И ведь рванет, Глеб. Я очень хочу, мой милый, сделать вид, что нет твоей студентки и не будет твоего ребенка, но жизнь... накажет. И накажет нас через наших детей. Ты это понимаешь?

Все он прекрасно понимает и в своем гениальном плане затолкать Цыбиной Надежде в плотку деньги он не уверен. И поэтому он все мне рассказал. Я ведь не раз, такая умная, мудрая и сдержанная направляла его, когда он был в недоумении и расстерянности.

— Нин, я в жопе.

— Мы в жопе, — с горькой усмешкой шепчу, — мы. Я, ты и наши дети тоже в жопе, Глеб. И самое отвратное, что я чувствую ответственность за то, чтобы хоть как-то тебе помочь. Ты ведь мой муж. Мы столько прошли вместе. И это должны. Но должны пройти иначе, чем ты представил в своих тупых мужских мозгах.

Я встаю и отхожу к окну. Выглядываю в сад, а там Аленка на качелях с книжкой качается. Притворяется, что учиться. С умным видом переворачивает страничку, поднимает взгляд и машет мне рукой.

Я с улыбкой поднимаю ладонь, а затем задегиваю штору. Разворачиваюсь к Глебу.

— Будет шантаж за шантажом. Если ты, конечно, не лжешь насчет того, что твоя студентка исчезла на три месяца после вашего переписхона. И не ты ее отымел, а она тебя, — смеюсь. — Но я не позволю иметь меня, моих детей и втягивать их в шантаж хитрой мрази, Глеб.

Да, всем будет больно, но нельзя зашивать гнойную рану.

— Нина, — Глеб поднимается на ноги. — Я не лгу, — голос звенит сталью. — У меня не было систематических измен. Один, мать твою, раз, и...

— Для начала, Глебушка, — говорю холодно и отстраненно, — я хочу встретиться с ней. Я хочу оценить ситуацию с двух сторон.

Глаза Глеба темнеют.

— Обещаю, — подплываю к нему, — в обморок не падать.

Глава 7. Спасибо тебе

— Чего ждешь от этой встречи? — Глеб смотрит на дорогу и постукивает пальцами по баранке руля.

— А ты?

Глеб медленно выдыхает.

— Знаешь, я хочу выпрыгнуть из машины на полном ходу, потом с криками бежать от тебя, — хмыкаю я. — А на встречу с твоей малолетней шалавой я еду, потому что я та, от которой она решила тебя отбить. Пусть посмотрит мне в глаза и расскажет, согласна ли она на твой план воспитывать ребенка одна. И мне, как аналитику, который каждый день работает с потоками информации, мало вводных данных, чтобы осознать происходящее.

— Я тебе все сказал.

— Что ты мне сказал? Что ты нажрался и отымел студентку? — цежу сквозь зубы. — Вот так просто она тебе подвернулась под руку? А, может, ты ее сразу приметил, выделил среди остальных...

— Выделил, — коротко отвечает Глеб. Молчит, а затем продолжает. — По ее старательности, активности, Нин, и целеустремленности. Она показалась мне перспективной девочкой.

— Как звучит, — смеюсь я. — Перспективная девочка.

— Ты же поняла о чем я.

— Останови машину, — шепчу я.

— Зачем?

— Останови.

Машина резко сворачивает на обочину перед пустырем, заросшим густым кустарником.

— Подожди меня в машине.

Выскакиваю на улицу под прохладный апрельский ветер. Делаю глубокий вдох и спускаюсь к кустам, которые вот-вот взорвутся зеленью. Поправляю берет на макушке и кричу.

Ненавижу! Ненавижу свою жизнь, в которой мне нельзя быть слабой испуганной женщиной. Нет. Я — кто угодно сейчас, но не женщина.

Вновь набираю полной грудью воздух и в моей глотке опять вибрирует острый гнев.

Кричу и кричу.

И лишь когда вместо криков и визга начинают выходить болезненные сиплые стоны, я замолкаю. Смотрю на редкие облака над головой и оглядываюсь, почувствовав на спине тяжелый взор.

Глеб стоит на ветру, спрятав руки в карманы брюк и смотрит на меня. Высокий, широкоплечий и с прямой осанкой.

Любовь способна выдержать подобное испытание?

Нам же вечно твердят, что любовь — это та сила, которая помогает преодолеть все трудности и вызовы, которые подкидывает жизнь, но...

Красивые слова — лишь слова. Реальность может быть такой отвратительной, безнадежной, что любовь истончается и рвется.

— Знаешь, — поднимаюсь по склону на обочину к молчаливому Глебу. Голос у меня сиплый, — это так несправедливо. Я выходила за тебя замуж, чтобы быть счастливой и любимой, а не для того, чтобы решать дилемму, как быть всем нам после твоей меткой и очень продуктивной измены. Да, я знала, что нас могут ожидать трудности Глеб, — сглатываю и повышаю голос, — но не такие! Не такие! И самое обидное, что это именно мне придется выгребать при любом сценарии. Понимаешь? Мне!

Приподнимаюсь на носочках, чтобы внимательнее заглянуть в его глаза:

— И от меня, как от матери, столько сейчас зависит, Глеб.

— Я знаю это, — взгляда не отводит.

— И я даже возмутиться не могу тому, что ты хочешь меня прогнать под обстоятельства, потому что я вижу в этом “молчи и терпи” целесообразность. Поэтому я еду на встречу с твоей шалавой. Чтобы оценить ее, как врага, и понять, чего она действительно хочет от тебя. Ты, мерзавец ты этакий, любимый отец моих детей, и твоя Наденька, по сути, решила украсть тебя у них.

Выдыхаю, отворачиваюсь и массирую переносицу. Он меня не поймет. Да и все эти претензии не помогут мне выбрать правильную стратегию.

Он молча сгребает меня в охапку и прижимает к себе. Его щека у моего виска, и жесткая короткая щетина колет кожу.

— Нина... — шепчет он.

Я закусываю губы. Я слышу в его голосе отчаяние, которое вторит моему. И мы сейчас не муж и жена, которые должны скандалить, а два человека в ловушке. И любой выход из нее принесет свою боль.

Мы будем либо жить во лжи, либо утянем наших детей за собой в пропасть. Да, тут уже речь не о любви между мужчиной и женщиной, а об ответственности перед теми, кого мы привели в этот мир.

Все дети достойны полной и счастливой семьи. Мамы и папы.

— Я хочу ее убить, Нина...

— Очень по-мужски, — выворачиваюсь из его объятий и поднимаю взгляд. — Может, стоило? Но это при условии, что ты бы промолчал, честный ты мой. Сейчас уже поздно.

Ныряю в салон машины:

— Поехали.

Он медлит, и я выглядываю, приоткрыв дверцу:

— Ну, сам тогда иди и тоже покричи, блин!

Оборачивается. И ведь у меня растет два пацана, и эти два пацана похожи на отца. И они, вероятно, тоже будут лажать и обижать женщин.

Глеб приглаживает волосы, обходит машину и садится за руль.

— Спасибо, — неожиданно говорит он.

— Что?

Переводит на меня взгляд:

— Спасибо, Нин.

— За что?

— За то, что ты есть, — слабо улыбается. — Ты никогда не была для меня просто женой.

— Я знаю, — пристегиваю ремень безопасности. — Возможно, в этом и есть моя главная проблема.

Глава 8. Свободна

— Моя жена, — холодно говорит Глеб. — Нина.

У Наденьки большие глаза, как у испуганной Лани. Белая кожа, острый носик, темные и густые волосы до плеч.

И ожидала она в углу кафешечки только Глеба, и была дезориентирована тем, что за ним в двери вошла я.

И она меня сразу узнала. Я не зря пропустила Глеба вперед на несколько шагов. Меня бы можно было принять как за еще одну посетительницу кафе, однако Наденька сразу побледнела, увидев меня.

То есть в представлении Глеба я не нуждалась. Эта миленькая девочка с глазами, как у трепетной лани, была осведомлена обо мне.

— Здравсьте... — пищит бледная Наденька.

Глеб, как истинный джентльмен, помогает мне снять плащ. И этот жест, что у меня и что у него, уже вошел в привычку за столько лет, поэтому я не сопротивляюсь.

Наденька с круглыми глазами наблюдает за нами.

Глеб накидывает мой плащ на крючок вешалки, что стоит рядом со столиком, а после отодвигает стул, чтобы я села.

Это тоже наша общая привычка.

Наденька прячет руки под стол, а я от Глеба не улавливаю волнения при встрече со своей ланью.

Я поднимаю руку, подзывая официанта. К столику в уютном кафе на тихой улице среди старых домов подбегает молодая девчушка.

— Мне, пожалуйста, салат Цезарь, и чашечку эспрессо.

— А Вам? — переводит взгляд на Глеба, который отрицательно качает головой

Однажды шестилетний Арс умудрился упасть с горки и сломать ногу. И тогда я тоже поймала такое же состояние, как и сейчас перед милой Наденькой.

Мои эмоции ушли под холодные стальные пластины.

— Глеб Иванович...

Поднимаю взгляд и откладываю меню в сторону. У Глеба рожа — злой кирпич с глазами, что вот-вот вспыхнут черным огнем.

— Да, моя жена в курсе твоего, — делает паузу и хмыкает, — интересного положения.

— Что?

Наденька, кажется, сейчас грохнется в обморок.

— Она красивая, — говорю я Глебу, в ответ медленно выдыхает и откидывается на спинку стула.

— Вы... — шепчет Наденька.

— Что? — уточняю я с вежливой улыбкой.

— Я не отдам вам своего малыша...

Брови Глеба ползут на лоб. Рожа-кирпич теперь выражает недоумение и усталость.

— Зачем мне твой малыш, — смеюсь я, — если у меня дома трое своих? Чтобы что?

— Я не знаю.

— Глеб Иванович предлагал тебе такой вариант решения проблемы? — вопросительно приподнимаю бровь.

— Для того решения, которое бы меня устроило, — сухо отвечает Глеб, глядя на Наденьку отстраненно, — время истекло, да?

— Это ваш ребенок, — шепчет она в ответ, жалобно всхлипнув. — Как вы можете такое говорить?

Глеб переводит на меня взгляд, в котором я не могу распознать конкретных эмоций. Там и раздражение, злость и желание перевернуть стол.

Между ними не было романа. Он не лгал.

— Моих детей я ждал, Надежда. Планировал, — цедит он сквозь зубы, — каждого из них.

— Почему ты появилась со своей замечательной новостью так поздно? — спрашиваю я.

— Я боялась, — смотрит на меня и опять всхлипывает. Я влюбилась в Глеба Ивановича, и он тоже...

— Не смей лгать моей жене, — рычит Глеб. — Не закапывай себя еще глубже, Надежда.

Наденька отворачивается, пускает слезу и закусывает губы, а передо мной официантка ставит маленькую чашечку с черным кофе и стакан воды.

— Глеб Иванович говорит, что ваша связь была одноразовой в пьяном угаре на корпоративе, — подхватываю чашечку и делаю глоток.

Густая горечь немного перебивает нозящую тошноту, которая не хочет меня отпускать.

— Это так? — уточняю я.

— Будто это что-то изменит, — Наденька смотрит на меня злым взглядом.

— Хорошее замечание, — киваю я. — Но мне, как официальной жене, надо понять, что происходит, и какие у тебя планы на моего мужа.

— Он отец моего ребенка.

— Очень размытый ответ. Или ты ждешь, что я со своими тремя детьми отойду в сторону, чтобы не мешать твоему материнскому счастью? Так?

Молчит и губы поджимает.

— Как ты себе это представляешь? — делаю глоток. — Мои дети исчезнут, испарятся, когда ты родишь? Или ты просто хочешь сесть на полное обеспечение, взяв Глеба Ивановича за яйца угрозами, что о твоем ребенке все узнают?

Сглатывает и опять молчит.

— Ты уже посчитала, сколько тебе денег надо? — отставляю чашку и поддаюсь в сторону Наденьки.

— У моего ребенка должен быть отец.

— Да что-то я не горю желанием, — Глеб поправляет галстук.

— Ты! — Наденька вскакивает. — Он же твой! И ты тогда этого хотел! Хотел! А теперь прячешься за жену?

— Да я решил, что моя жена должна знать, — Глеб поднимает тяжелый взгляд, — и сказать честно... Я ведь тогда даже не понял, кого отымел в кабинке туалета. А потом ты неожиданно исчезла с радаров... И только вот на днях, когда ты заявила ко мне с очешуительной новостью, я сложил два плюс два.

— Мажешься перед женой? — шипит Наденька.

Под ее белой водолазкой уже можно заметить небольшую округлость.

— А ты зря ерничаешь, — Глеб усмехается.

— Да уже не важно мажется Глеб Иванович перед женой или нет, — задумчиво провожу пальцем по краю чашки, а затем смотрю на Наденьку. — Проблема все же не в том, в каком он состоянии тебя отымел. Это уже лишние подробности, которые не отменяют твоей беременности.

— Вы не посмеете навредить мне и моему ребенку...

— Да уж, — перевожу взгляд на официантку, которая спешит ко мне с тарелкой салата, — если кто и мог тебе навредить, то это Глеб Иванович, но он не настолько моральный урод.

— И что теперь? — сипит Наденька.

— А теперь ты уйдешь, — отстраненно отвечает Глеб. — Моя жена хотела на тебя посмотреть, и она на тебя посмотрела. Свободна.

Глава 9. День откровений

— Ты хочешь напугать меня своей женой? — спрашивает Наденька.

Официантка ставит передо мной тарелку с салатом и кидает на нашу проблему с оленьими глазами беглый взгляд, а затем торопливо ретируется.

— По-хорошему, ты должна была напугаться меня, — беру вилку и поднимаю взгляд. — И троих детей в анамнезе Глеба Ивановича. Сейчас-то мне что толку тебя пугать?

Вилку в ее маленькое и аккуратное пузо? И провернуть? Однако меня от слепой ярости отвлекает приступ тошноты, будто кто-то просит меня не вестись на провокации.

— Сядь, Наденька, — вздыхаю я.

Глеб, кажется, скрипит зубами.

— Ты против? — уточняю я.

— Меня нервирует вся эта ситуация, — отвечает он.

— Дальше больше, дорогой, — отправляю в рот кусок курицы.

Наденька садится, а я медленно пережевываю курицу, глотаю ее и запиваю водой.

— дело вот в чем, — отставляю стакан, — мне придется разрушить твои планы, в которых жена Глеба Ивановича и ее дети уходят в закат, а сам Глеб Иванович весь такой одинокий и несчастный остается только в твоей власти. Упустим ваши отношения и вектор их развития.

— У тебя гордости нет...

— Дело не в гордости, Надюш, а в ее практичности. Это как... при определенном опыте жизни ты не паникуешь, когда пролил черный кофе на блузку перед важной встречей. Понимаешь? Ты уже не истеричная сопля, которая визжит “все пропало!”. Ты оцениваешь ситуацию. Успеешь ли пятно застирать и просушить блузку? Можно ли пятно прикрыть шарфиком, которое одолжишь у коллеги? Или ты пойдешь на встречу с невозмутимым лицом, потому что всем насрать на твое пятно, ведь это для других важная встреча с тобой.

Наденька хмурится.

— Это я к тому, что я уже не в том возрасте, когда мне простительно верещать, паниковать и убегать в далекие дали с развевающимися волосами, — накалываю на вилку с хрустом лист салата. — С тремя-то детьми далеко не убежишь.

Опять к горлу подкатывает тошнота, будто говорит, что у меня детей теперь может быть четверо.

— Да что мне твои дети?

Глеб вскидывает бровь.

— Как что? — хмыкаю я. — Давай рассмотрим самый сказочный для тебя вариант. Мы разводимся...

Глазки Наденьки вспыхивают, а Глеб медленно выдыхает и теперь точно скрипит зубами.

— Глеб Иванович, как серьезный мужчина, который внезапно решил, что твоему ребенку нужен отец, женится на тебе. По любви или нет — неважно, — похрустываю листиком салата, — и вот оно счастье? Нет, Надюш. У него же еще трое, а я, как мудрая женщина, не стану оспаривать совместную опеку. Ты знаешь, что такое совместная опека? А?

Наденька бледнеет.

— Будут наши детки жить на две семьи, а наши детки... милые, сладкие ангелочки, у которых на лбу растут рожки, и этими рожками они будут бодаться. Яростно, сильно и больно. Всем достанется. И Глебу Ивановичу, и мне, и тебе. Тебе, — тычу в ее сторону вилкой, — особенно. И у Глеба Ивановича просто не будет теперь рычагов давления плюс чувство вины за то, что развалил крепкую и любящую семью. И этот сценарий, который мог бы тебе показаться победой над глупой женой важного бизнесмена и крутого преподавателя, станет тем еще испытанием для юной особы. Ты не совсем понимаешь, во что влезла, Надюш.

Наденька, кажется, хочет сбежать. Да, трое детей — это не шутки.

— Ты уже не такой завидный жених, — вновь смотрю на Глеба, от которого жду яростного и гневливого взгляда.

— Соглашусь, — он усмехается, а во взгляде его нет злости, что меня на секунде дезориентирует.

— Не делай вид, что у тебя не было на меня планов, — шепчет Наденька.

— Каких? — Глеб переводит на нее взгляд.

— Ты ведь выбрал меня... приблизил к себе... Я была лучшей студенткой...

— То есть ты хочешь сказать, что, например, у Саши Валуина и Петра Решетникова с твоего потока тоже могла быть сомнительная связь со мной в туалете? Они же вообще таскают мои костюмы в химчистку, — Глеб смеется. — Тут такая логика, Надежда?

— Это твой ребенок! — Наденька взвизгивает.

— Но любовницей я тебя не планировал делать, Надежда, — глухо рычит Глеб. — Я тебе обещал оплату практики, карьерный, сука, рост, высокие позиции, если будешь стараться...

— Вот она и постаралась, — шепчу я.

Глеб переводит на меня взгляд. Секундная оторопь в его глазах, хруст соленого сухарика на моих зубах, и он смеется. Громко, на грани истерики, а затем делает глубокий вдох и прижимает кулак к губам:

— Поэтому я на тебе и женился, Нина.

— Как ты оказалась в мужском туалете? — игнорирую его слова и выискиваю курицу среди зелени.

— А, может, это Глеб Иванович оказался в женском? — Наденька шурится. — М?

— Ты сука такая, — шипит Глеб. — Не припомню, чтобы в женских туалетах были писсуары.

— То есть писсуары ты помнишь? — тихо уточняю я.

— Да, Нина, помню, — вглядывается в мои глаза. — Я никак попасть не мог. Струя туда-сюда.

— Что ж ты так нажрался?

— Был повод для радости, дорогая.

— И какой же? Новая перспективная студентка?

— Раз у нас день откровений, дорогая, — Глеб усмехается, — то я и эту карту вскрыю. Я в тот день получил отрицательный результат биопсии предстательной железы, — выжидает секунду и поясняет, — простаты. Вот, мать твою, и нажрался, как свинья.

Глава 10. Не кипишуй

— Тебе пора, Надюш, — шепчу я.

А она в ответ молчит и тормозит.

— Пошла прочь! — рявкаю я, а затем перехожу опять на шепот. — Встала и пошла.

— Вот теперь точно свободна, — хмыкает Глеб.

Это не Наденьку, которая встает и, поджав губы, шагает прочь, надо вилкой потыкать, а моего мужа.

Я леплю глебу пощечину. Злую и хлесткую. Он отворачивается и хмыкает.

— Биопсия? — цеду я сквозь зубы. — И ты сейчас мне об этом говоришь?!

— Ну... — он откидывается на спинку стула, — да.

— Ты...

Мой муж скрывал не только связь со студенткой, но и то, что у него подозревали рак. И я не знаю, что из этого хуже.

Я его жена.

Окей. Про измену сказать жене стремно, но кому если не ей доверить ей страхи и опасения по здоровью?

— Ты лжешь... — медленно выдыхаю я. — Это отвлекающий маневр...

— Думаешь? — всматривается в мои глаза.

И я в нем вижу облегчение.

— Почему ты не сказал? — у меня руки трясутся. — Хотя... ты бы обо всем признался, когда бы мне уже стоило гроб тебе заказывать? Так?

— Возможно.

— Возможно?! — повышаю я голос.

— Нет у меня рака, — Глеб расстегивает пуговицу под воротом рубашки. — Не умираю, но, вероятно, это был бы отличный повод надавить на жалость.

— Шутки шутишь?

— А что мне еще остается? — пожимает плечами. — Еще лет десять проживу и вообще хохмачом стану. Уже и иногда побухтеть хочется. И думал помидоры высадить в следующем году. Тянет к земле.

— Заткнись, Глеб. Несмешно.

Я, как жена, потерпела фиаско. И в жопу сейчас эту Наденьку с ее животом. Я упустила что-то важное в браке, раз Глеб отодвинул меня в сторону в вопросе жизни и смерти.

— Значит, прийти ко мне с новостью, что твоя потаскуха беременна — можно и нужно, а сказать, что у тебя проблемы со здоровьем — не судьба?

— Вариант, что я не хотел тебя тревожить, тебя не удовлетворит? — вскидывает бровь. — Ладно, я согласен. Сейчас это совсем не довод.

— Я ведь твоя жена, Глеб.

И вот вопрос. Это я — невнимательная и равнодушная стерва или же Глеб — отличный притворщик и актер?

Я действительно не заметила, что у Глеба проблемы. Да с моим вниманием к деталям он, похоже, реально мог завести вторую семью. И я бы об этом узнала только тогда, когда бы в нашу дверь постучали его подростки от второй женщины и попросили бы позвать папу.

— Только не начинай закапываться в себе, Нин, — хмурится. — Не сказал, потому что знатно обосрался, а потом уже и не было смысла.

— Прекрасно, — зло шепчу я. — Ты не всяким обсранным ко мне приходишь. Так, что ли?

— Выходит, что так, — кивает.

— У меня нет слов.

Мне надо на воздух. Встаю, подхватываю с вешалки плащ и торопливо шагаю к двери. Персонал вежливо со мной прощается, и я выскакиваю на крыльцо. Накидываю плащ на плечи.

Это жопа, а не счастливый брак, в котором двое людей доверяют друг другу. Я проморгала здоровье мужа, а он решил, что я не должна ничего знать.

Внизу стоит Наденька.

Оглядывает и обиженно шмыгает. Носик и щечки покраснели.

Господи, она даже не представляет, что ее ждет с ребенком. И ведь если ее беременность была хитростью, то дочь или сын обречены на вечное раздражение, гнев и разочарование молодой матери, которая не получит от Глеба желаемого.

— Что ты натворила, дура? — шепчу я.

И сколько во мне сейчас бурлит. Страх за себя, за своих детей, злость на Глеба, разочарование в браке, жалость к ребенку, который стал пешкой в игре юной идиотки.

Нет. Это не моя ответственность. Надя и ее будущий ребенок не должны меня волновать, будто это я для них “мамочка”.

Она ведь разрушила мою жизнь, мои иллюзии и принесет много боли моим детям.

— Он должен признать этого ребенка, — Наденька хмурится на меня.

Я спускаюсь к ней, запахнув плащ. Встаю вплотную и заглядываю в ее красивые большие глаза:

— В конкретное решение Глеба, как ему быть с твоим ребенком и с тобой я не буду вмешиваться. Ясно? Моя ответственность — это только мои дети, — вздыхаю. — Их благополучие и будущее. И если ты вздумаешь сейчас подкрасться к ним, вмешаться неопределенную ситуацию, в которой все шатко и непонятно, то мое отношение к тебе резко переменится. Как говорит мой старший сын, не кипишуй, Надя, и дай взрослым тете и дяде порешать между собой вопросы. А теперь иди.

— Долго будет решать вопросы? — вскидывает подбородок.

— До родов успеем, Надюш, — горько усмехаюсь. — И тебе тоже стоит подумать над тем, что тебя ждет.

Надя отступает и, цокая каблучками шагает, прочь. Закрываю глаза и дышу. Многие женщины прошли через подобное, и я пройду.

— Нин, — меня из тоскливого транса вырывает голос Глеба.

— Мне надо заехать в аптеку, — разворачиваюсь и торопливо семеню к парковке.

— Зачем?

— За валерьянкой, — сглатываю ком тошноты. — Нервишки шалят.

Глава 11. Я не ты

— Ка свидание прошло? — хитро спрашивает Марк и косит на меня взгляд, когда я сажусь между ним и Арсением.

Играют в приставку, и виртуально избивают друг друга какими-то жуткими перекаченными мужиками.

— Алёнка спит? — спрашиваю я.

— Да, — Арсений остервенело нажимает на кнопки джойстика, — развела меня на сказку. — Получай апперкот.

Один из мужиков отлетает и падает. Марк фыркает и отбрасывает джойстик:

— Да блин!

— Выкуси, — Арсений откладывает джойстик и откидывает победителем на подушки дивана. — Я тебя уделал.

— Вам тоже пора спать, — Глеб проходит в гостиную, подхватывает с подлокотника пульт и выключает телевизор.

— А нам сказка будет? — Марк растекается по дивану и закидывает на меня ногу.

Похлопываю его по ступне в ярком желтом носке:

— Только если про принцессу, — перевожу на него взгляд, а он кривит лицо, — которую спасает рыцарь от злого дракона.

— Фу.

— Да ладно, — смеюсь я. — Сам скоро по принцессам побежишь. Надо учиться, как правильно их спасать.

— Мам, — закатывает глаза, встает и обращается к Глебу. — Давай ты сказку?

— Я тебя могу проверить, готов ли ты к контрольной завтра.

Точно же. У Марка завтра недельная контрольная по математике, с которой у него есть сложности.

— Да блин! — восклицает Марк.

— Ты не хочешь сказку про принцессу? — разворачиваюсь к Арсению, который отвлекается от засохшего пятна кетчупа на футболке.

— Не-а. Я уже знаю, как спасти принцесс, — невозмутимо отвечает он.

Марк заинтересованно оглядывается:

— Подружку завел, что ли?

— Завали, — Арсений поднимается на ноги, потягивается и шагает мимо Марка. Оборачивается. — Вы завтра к директору. Не забыли?

— Нет, — Глеб качает головой. — Не забыли.

— Тогда пошли, — Арсений лепит слабую оплеуху Марку, который пинает его под зад.

— Мальчики, — вздыхаю я. — Алёнку не разбудите. Зубы почистить, а одежду в корзину для стирки.

— Поняли, — Марк со смехом уворачивается от руки брата. — Споки.

Покидают гостиную, еще пару раз обменявшись дружескими тумаками, а я массирую переносицу. Хочу спрятать голову в песок, и сделать вид, что ничего не случилось.

Пусть Глеб разбирается со своей шлюхой сам, а я продолжу играть роль примерной жены и матери.

Я устала. Я не хочу серьезных разговоров с детьми и будущих проблем.

Мне бы вернуться в тот день, когда у Глеба был корпоратив и запереть его в подвале, а самой забить на поделку Аленки, которая сказала, что ей срочно нужен зимний замок в школу на конкурс.

Зато какой у нас замок получился. Первое место и шоколадная медаль в золотой фольге и на красной ленточке. Пока я, Алёнка, Марк и Арсений лепили кирпичики из белого пластилина, глава семейства веселился. Да так навеселился, что я хочу сейчас сдохнуть.

Глеб садится рядом.

— Я не ты, — убираю руку с лица и подхватываю сумку с пола, — но тоже очень хочется сейчас спрятаться за ложью.

— Ты о чем?

В аптеке я напросилась в туалет. Буквально со слезами на глазах. Заперлась в тесной кабинке с десятью тестами от разных производителей, и все они... положительные.

— Я об этом, — выуживаю из сумки полиэтиленовый пакетик с тестами и небрежно высыпаю их на стол, а после откидываюсь назад, буравя взглядом потолок.

Может, вздернуться? Вскрыть вены, сброситься с крыши или прыгнуть с моста?

Нельзя.

Я же мама.

— Нин, — шепчет Глеб.

— Я беременна, дорогой, — хмыкаю я. — Четвертым.

Глава 12. Мы должны

Глеб перебирает тесты на беременность.

И я чувствую его отчаяние. Удивление, шок, растерянность. Он бледнеет, переводит на меня немигающий взгляд, и я шепчу:

— Сюрприз.

А затем у меня из глаз потоком льют слезы. Я всхлипываю и утыкаюсь в его мощную грудь в тихих рыданиях.

— Нина...

Он меня обнимает, прижимается щекой к затылку и судорожно выдыхает:

— Девочка моя.

Я его люблю.

Люблю.

Он уже давно перестал быть для меня любовником или даже мужем. Он стал за эти годы кем-то большим.

Я так хочу его возненавидеть, преисполниться презрением и отвращением, но не могу.

Это Глеб.

Мой Глеб.

Он — моя семья. Но, возможно, в нем нет ко мне такой глубокой привязанности, которую не изничтожит измена.

Я буду захлебываться в крови и боли, но чужим человеком Глеб для меня никогда не станет. Да, она извратится, но ее не вырвать.

— Нина, — голос у Глеба хриплый и надтреснутый, — любимая...

— Что ты наделал... — рубашка на его груди мокрая от моих слез. — Глеб... — меня опять трясет в потоке истерики, — я не вывезу всего этого... я не смогу...

Я отстраняюсь и всматриваюсь в его глаза, которые покраснели, а в уголках застыли слезы.

— Прости меня, — он обхватывает мое лицо руками. — Прости...

А затем он меня целует, но это не страсть, которая требует близости и сплетения тел, а желание почувствовать, что твой человек рядом, что он все еще материален.

И я его не отталкиваю, не вырываюсь, потому что я тоже хочу почувствовать его присутствие.

Мы — неправильные.

Я — неправильная женщина.

И люблю я Глеба неправильно, на разрыв.

— Прости меня, Нина...

Он целует мое лицо и руки, и касаюсь его щеки, заглядывая в глаза:

— Но ведь мое прощение ничего не решит.

Он сам это понимает, как и то, что я простила, раз не стала скрывать то, что я забеременела.

В этом и засада. Мое прощение лишь признание того, что он для меня самый близкий человек. И что я принимаю его ошибки и готова на них смотреть.

— Пятеро детей, — смахиваю с щек слезы и вновь откидываюсь назад, — вот теперь точно будешь многодетным папашей.

Глеб облегченно выдыхает. Он думал, что я пойду на аборт? Как бы я ни выживалась, но я не смогу пойти на такой шаг. И дело не в том, что это грех или что-то из этой серии.

Я не выдержу еще чувства вины за аборт и мыслей, кого я могла бы родить и кем бы мог стать наш четвертый ребенок. Какие бы у него могли быть глазки, носик, ручки.

Я же говорю. Я — дура и неправильная женщина. Мой муж мне изменил, а я собралась от него рожать и еще вскрыла все карты.

— У меня будет не пять детей, Нина, а четверо, — шепчет Глеб. — Четверо детей от тебя.

— Не пуши хвост, Глеб, — закрываю глаза. — Мы должны сказать детям. Все сказать.

— Нет, Нина.

— Да, — вздыхаю я. — Выбора у нас нет. Мы не сможем жить во лжи, играть счастливую семью. Все это всплывет. Рано или поздно. Либо Наденька постарается, либо маленькая случайность все разрушит.

— Нин, они ведь не поймут...

— Мы требуем от них честности, — тихо отзываюсь я. — Требуем приходить к нам с любой проблемой, с любой правдой, потому что мы семья и их поймем, — перевожу на Глеба взгляд, — почему это не относится к нам?

— Потому что они... дети? — Глеб вскидывает бровь, а в глазах вижу страх.

— Арсу уже четырнадцать. Он скоро может сам так налажать, что мы поседем и облысеем. Марк — мальчик эмпатичный и внимательный, Глеб. Он заметит, что мы что-то скрываем, как отдаляемся, как чего-то недоговариваем, и он замкнется. Это касается и Аленки. У нас замечательные дети, Глеб. Мы их постарались хорошо воспитать, вложить, что в семье не лгут даже того, когда очень страшно. Ты хороший отец...

Сглатываю ком слез.

— А я — хорошая мать. И да, иногда, чтобы спасти... нужно резать.

Шаги, и мы с Глебом замираем, когда в гостиную входит Арс в пижамных штанах.

— Нихрена это не свидание было, да? — хмурится он. — И да. Марк отрубился, и Аленка спит. Я проверил.

У меня руки холодеют, когда он медленно, но решительно шагает к дивану, на котором мы с Глебом застыли каменными изваяниями.

— Марк опять с музыкой в ушах заснул, — Арс опускается в кресло. — Но я этого вам не говорил. Что резать будем, мам?

Глава 13. Ищи плюсы

— Арс, иди спать, — сдержанно отвечает Глеб, но я слышу в его голосе предательскую взволнованность.

— Говорите, — переводит взгляд на тесты. — Ну, вряд ли это то самое, что надо резать. Смотрит на нас.

— У нас пополнение будет?

Точно копия отца. Глеб с такой же серьезной рожей сидит, когда кто-то из наших ангелочков нашкодит.

И теперь мы нашкодили.

— Да, — киваю я.

— Но режем мы не это?

— Арс... — шепчу я и собираю тесты на беременность с пола.

— Я изменил твоей маме, — хмуро и тихо отвечает Глеб, а я замираю, сжав тесты на беременность. — Был очень пьян.

Поднимаю взгляд на Арса, который приподнимает подбородок, сглатывает и едва заметно щурится.

Но молчит.

— И теперь она беременна, — Глеб не отводит взгляда от Арса. — Вот появилась после трех месяцев.

Арсений молча встает и шагает к дверям.

— Арс, — шепчу я.

Глеб встает и следует за ним:

— Арс.

Арсений молча и резко разворачивается. Награждает его ударом челюсть, и я понимаю, что Глеб позволяет сыну ударить себя и выплеснуть гнев. Сжимаю тесты на беременность и медленно выдыхаю.

Я не имею сейчас права вскакивать и кричать, чтобы Арс взял себя в руки.

Глеба немного ведет в сторону, прижимает ладонь к нижней стороне лица и молча всматривается в побледневшее лицо Арсения.

— Урод, — шипит наш сын, а после смотрит на меня гневными глазами, — и ты собралась еще и рожать?

— Да, — стараюсь говорить тихо и спокойно, — боюсь, я не смогу иначе.

— Или это какая-то шутка? — шипит Арс, глядя на Глеба. — Мама и еще какая-то телка залетела?

Голос не повышает, не кричит, пусть и очень разъярен. Не хочет будить Марка и Аленку, которые спят в счастливом неведении.

— Арс, мне жаль... — мрачно отзывается Глеб, — я люблю твою маму... но совершил ошибку, которую хотел скрыть...

С губ Арса срывается короткий и истеричный смешок, и он медленно обходит Глеба и вновь опускается в кресло.

— Арс, милый...

— Когда ты узнала? — смотрит исподлюбья.

— Сегодня, — с трудом сдерживаю в себе слезы.

Кажется, вот только качала его под колыбельную Глеба на руках, а он морщил свой крохотный носик, чихал и удивленно агукал. Сейчас же на меня смотрит угловатый, злой и бледный подросток.

— И что теперь? — сжимает он кулаки на подлокотниках. — Делаем вид, что ничего не было, и скачем весело в роддом? И рожаем четвертого?

— Сейчас рановато скакать в роддом, Арс, — слабо улыбаюсь я. — Другой вопрос, как мы переживем эти девять месяцев.

— У него новая брюхатая баба... — рычит Арс.

— И это отличный повод обсудить с тобой вопрос того, что мужская самонадеянность может привести к беременности, — медленно выдыхаю я.

— Да ты издеваешься, мам.

— Отнюдь. Почему бы не поучиться на ошибках отца и не сделать выводы?

Арс пинает ножку столика, отворачивается, выдыхает через нос, раздувая ноздри, как молодой взбешенный бычок, и опять смотрит на Глеба.

А тот возвращается на диван, массируя челюсть.

— И ты своего выроodka к нам притащишь? — Арс в любой момент вновь может кинуться на Глеба, и только моя напряженная сдержанность тушит его гнев. — Такой у вас план?

— Нет, — Глеб щелкает челюстью. — Этого ребенка не будет в нашей семье, Арс.

— Да его никто и не примет, — Арс скрипит зубами. — Отправь ее на аборт.

— Поздно, Арс, — вздыхаю я. — Сроки вышли.

— И ты, что, его признаешь? — голос сына предательски срывается, смотрит на меня, — а ты... ты что? Мам... или у тебя уже мозги потекли от двух полосок?

— Не быкуй на мать, Арс, — голос Глеба становится холодным и строгим. — Это не она перед вами виновата, а я.

— И ты все еще тут сидишь? — клоочет Арс. — К шлюхе своей вали.

— Не подыгрывай шлюхе-то, сына, — шепчу я, откладывая тест-полоски на столик и поднимая на него взгляд. — Выдыхай и ищи плюсы. Завтра тебе вряд ли серьезно прилетит после нашей встречи с директором.

— Вы собрались к директору? — Арс кривит лицо.

— Никто же не отменил наши родительские обязанности, — пожимаю плечами. — И даже если папа уйдет к брюхатой шлюхе, он останется твоим отцом. Но, кажется, у нас будет все немного сложнее в этом плане.

Глава 14. Будь старшим

— У тебя хороший удар, Арс, — Глеб одобрительно хмыкает.

Арс медленно выдыхает.

— И стало легче? — спрашивает Глеб, не отводя взгляда от сына.

— Как ты мог? — рычит он в ответ.

— Ты не примешь никакого объяснения, — Глеб вздыхает.

— А вдруг?

— Я напился, — Глеб продолжает смотреть прямо в глаза Арса. — Едва стоял на ногах и даже не понял, с кем все случилось.

— Вот тебе еще один хороший урок, — хмыкаю, — знать меру в алкоголе.

Арс переводит на меня возмущенно-недоуменный взгляд. Из-за растерянности он даже не находит сразу гадости, которой мог бы огрызнуться.

— Ты нормальная вообще?

— Арс, — Глеб понижает голос до сердитого шепота. — За языком следи.

— Нет, — я поднимаю руку. — Пусть выскажется. Мне интересно его мнение, что я должна сейчас предпринять, чтобы быть в его глазах той, у кого не потекли мозги от двух полосок.

— Тебе не кажется, что четвертый ребенок будет лишним? — Арс щурится.

— Лишним для кого? — вскидываю бровь.

— Он тебе изменил! — Арс вскидывает руку в сторону Глеба. — Его шлюха залетела!

— И из-за ее беременности я должна идти делать аборт, так? Чтобы что, Арсений?

Он вскакивает, потом садится и сжимает кулаки. Эмоции так и прут, и ответить на мой простой вопрос он не может.

По стене пошла трещина, и он хочет все разрушить до последнего кирпичика. Да я бы сама предпочла такой сценарий. Так было бы легче и понятнее. В настоящем моменте.

— Ты бы все равно узнал, — шепчу я. — Но лучше от нас услышать всю правду.

— И мы теперь будем дружно жить да поживать? — усмехается Арс.

— Ты голосуешь за развод? — спрашиваю я.

И Арс замолкает с бледными щеками и горящими глазами. Глеб рядом сжимает переносицу.

— Но ты же... беременна? — шепчет Арс.

— Да.

Арс медленно моргает и ничего не понимает. Я знаю, чего требует его подростковая душа. Скандала, обид, криков и войны с непутевым отцом. Он хочет забить его ногами, объединиться в союз против того, кто посмел нас предать.

— Тогда зачем ребенок? — Арс задает неуверенный вопрос. — Если развод? Что-то я не вкурываю тему.

— Я думаю, что иначе у нас ничего не выйдет, — хрипло отзывается Глеб

— Все-таки свою шлюху выбрал...

— Замолчи, — Глеб переводит на него тяжелый взгляд. — Я люблю твою маму. И в этом я тебе не лгу. Я сильно облажался перед каждым из вас. И никакую шлюху я не выбираю, Арс, и ребенок от нее не будет вам братиком или сестричкой. Ясно? А еще я знаю свою жену и подозреваю, что ждет нас, если все замести под коврик. Я повторяю, Арсений, вы моя семья. Женился я по любви, родили мы каждого из вас в любви и в большом ожидании.

— А потом ты нажрался.

— А потом я нажрался, да, — сдержанно отвечает Глеб. — Я бы сказал, что мне стыдно, но это слово не опишет то, что я сейчас чувствую. Все рушится по моей вине, и только благодаря твоей матери это не скатывается все в бездну.

— Да тряпка она.

Огрызается и резко замолкает, осознав, что ляпнул большую глупость, которая, надо сказать, меня задевает. Глубоко так царапает.

— Не смей так отзываться о своей матери, которая вечно твою косячную жопу прикрывает, — рычит Глеб, и его глаза вспыхивают.

— Я пойду выпью в тишине чая, — встаю, закидываю тесты на беременность в пакетик и шагаю в столовую. Оглядываюсь и смотрю на Арса с бесконечной усталостью. — И не тебе, мелкий говнюк, решать рожать мне или нет. Ишь, как разошелся.

Раздувает ноздри, и я грожу ему пальцем, сердито прищурившись:

— Хорошенько подумай, прежде чем открыть рот, Арс. И, — мило улыбаюсь, — я тебя люблю. Будешь готов поговорить, то жду тебя на чашку чая. Сейчас я скажу, что тебя всегда невероятно бесит, ты у нас старший, сына. Вот и будь сейчас старшим.

Скрываюсь в столовой, закрываю дверь и приваливаюсь к ней спиной, крепко зажмурившись. Как же я не хочу быть взрослой теткой, у которой муж потерял мозги к сорока пяти годам.

Я хочу обратно в веселую и свободную юность, в которой я поторопилась выскочить замуж.

И к чему я пришла? Муж изменил, а старший сын называет тряпкой.

Глава 15. Встал, но не вопрос

— Не надо так с мамой, — говорю я, потому что я не знаю, что еще сказать сыну, который волком смотрит на меня.

Я знаю, что правда бы вылезла. Если Надя выждала три месяца, прежде чем появиться, то она и к детям моим полезет.

Вот тебе, и перспективная и амбициозная студентка, Глеб.

Теперь ее старательность мне видится совсем с другой стороны.

Как же я облажался.

Я с того корпоратива действительно мало, что помню кроме желания орать, что я не потеряю яйца и что не умираю.

И как же я сейчас хочу свернуть голову врачу, который заподозрил у меня нехороший диагноз и запустил цепную реакцию из страха, неуверенности и отчаяния перед осознанием своего возраста, будущей смерти и немогущности.

Да, я должен был сказать Нине. Ведь она бы в случае чего держала меня за руку и была рядом, но я не хотел пугать ее раньше времени.

Она бы засуетилась, начала бегать со мной по врачам, и ее забота мне бы не помогла, а стала бы в тягость. Я хотел все это пройти один и только при плохом сценарии все сказать...

И ведь я все-таки все привел к плохому сценарию. Да еще к какому!

Лучше бы у меня на руках был положительный результат биопсии, честное слово. Я бы предпочел сейчас смертный приговор.

— А надо с мамой, как ты? — тихо и зло отзывается Арс.

— Арс, я...

Накрываю лицо руками.

Да я сам прекрасно понимаю, что все мои слова будут жалкими и глупыми. Мне не оправдаться.

И как не вовремя всплывает писсуар, в который я никак не могу попасть, потому что не в состоянии направить свое хозяйство. Струя тонкая, прерывается, меняет направление...

У меня стоит, но вопрос.

И я держу этот “не вопрос” и недоумеваю. А еще пытаюсь договориться, что нам надо избавиться от лишней жидкости. Особенно от мерзкого коктейльчика с грейпфрутовым соком, который оставил неприятное послевкусие.

В своих пьяных уговорах я ухожу во тьму, а выныриваю уже в тот момент, когда вдавливаю кого-то в угол и под рванные толчки рычу:

— Ух, Нина... Ниночка... Нинок...

Я аж подскакиваю с дивана. Да твою ж дивизию...

— Что? — Арс поднимает на меня напряженный и обеспокоенный взгляд. — Решил повоспитывать меня? Самое время, — тоже встает и закатывает рукава. — Ну, давай...

Видимо, вид у меня озверевший, раз Арс решил, что я могу кинуться на него с кулаками.

— Сядь, — накрываю лоб рукой и с выдохом отворачиваюсь. — Мальчишек лет до семи воспитываешь, а там дальше уже работаешь с тем, что навоспитал. Да и вообще, — возмущенно смотрю на бледного и злого Арса, — с чего ты решил, что я тебе в рожу дам?

— Да лучше бы в рожу дал! — глухо рычит. — До кровавых соплей избил! Нос сломал!

— Пошли, — шагаю из гостиной.

— Куда? — шипит, но следует за мной.

— Проветримся.

— Я не хочу с тобой проветриваться.

С нижней полки из шкафа в прихожей достаю спортивные штаны и толстовку Арса, а после и свои тряпки для пробежек.

— Я не пойду с тобой бегать, — медленно выдыхает Арс. — К черту тебя.

— Сам тогда проветрюсь, — торопливо скидываю рубашку, брюки и облачаюсь в спортивные штаны и толстовку.

Арс поднимается по лестнице на второй этаж, а я накидываю капюшон на голову.

— Не пойдет он с тобой бегать, — ко мне выходит Нина с чашкой чая и делает глоток, привалившись к косяку плечом. — Бегать тебе теперь одному.

— Справедливо, — застегиваю толстовку под горло. — Ложись спать, Нин, — сажусь на софу и вытаскиваю из-под нее кроссовки.

— В спальне я тебя не жду, — медленно отталкивается от косяка и плывет к лестнице, — спишь на диване, если вернешься, конечно. Я за то, чтобы ты вернулся, я не хочу за тобой бегать и искать по злачным местам, чтобы решать ту жопу, в которую ты меня засунул.

— Я... — сую ступни в кроссовки и замолкаю.

— Что? — Нина оглядывается. в глазах вселенская усталость и желание выплеснуть мне в рожу чай.

— Я тогда... думал, что это ты... — медленно выдыхаю и заканчиваю, — в туалете.

— Я с тобой по молодости даже по туалетам не пряталась, — передергивает плечами и поднимается по лестнице. — Странные у тебя фетиши, Глеб.

Глава 16. Ругать не будешь?

— И чего ты тут стоишь? — шепотом спрашиваю я у Арса, которого нахожу во мраке коридора. — Ты уже спать иди или...

До нас долетает щелчок двери. Арс напрягается.

— Или давай на пробежку, — делаю глоток чая, который на несколько секунд притупляет тошноту.

— Кто она?

— Студентка, — я слабо улыбаюсь.

— Веришь, что был всего лишь раз?

Я тяжело вздыхаю, киваю и шепчу:

— Но это не отменит его меткого результата.

Рычит, прижимает кулаки ко лбу и бесшумно подплываю к нему. Отставляю чашку на высокий столик с горшком бегонии, и обнимаю сына, который, конечно же, не принимает мои объятия.

Выворачивается, отступает и смотрит на меня исподлобья. Это было ожидаемо. Он и в хорошие дни избегает маминых навязчивых обнимашек.

— Ты как обычно...

— Первый шок прошел, — подхватываю чашку со столика и подношу ко рту, — ядом плевать больше не разрешаю.

Сжимает кулаки и тяжело дышит.

— И стены бить тоже не разрешаю. Во-первых, разбудишь брата и сестру, во-вторых, не хочу еще и ремонтом заморачиваться. Мне лень. Давай на пробежку и кулаки почешу о сосенки.

— Почему ты такая?

— А какой прикажешь быть? Если я сейчас слюни-сопли распушу, то все точно по одному месту пойдет, Арс. Мне очень хочется и кричать, и визжать, и сбежать одной куда-нибудь и ничего не решать.

— Сбежать одной? — Арс возмущенно выдыхает.

— А что? — сердито шурюсь я.

Его эгоизм даже мысли не допускает, что мама может устать от милых деток-конфеток.

— Но я понимаю, что никто мне ту сбежать не позволит, — с наигранной печалью вздыхаю я. — Тот же Марк обязательно спалит, что я собираю чемодан, а Алёнка в машину заползет.

Раздувает ноздри и не думает улыбаться. А затем разворачивается и шагает к лестнице. Я за ним бесшумной тенью.

Внизу он переодевается, обувается и оглядывается, когда я шепчу:

— Шапку не забудь. Холодно.

С горящими глазами, что обращены на меня, натягивает на голову серую шапку мелкой вязки.

Он ловит сейчас когнитивный диссонанс.

У папы будет ребенок на стороне. И это, можно сказать, трагедия, а мама не рыдает и еще про шапки говорит, как и в любой другой холодный вечер.

Это вообще как?

Разве можно без скандала, драк, насилия и ненависти прожить новость о том, что папа оказался козлом?

— И я тебя отпускаю только на пробежку, — делаю новый глоток. — По обычному маршруту. Не вернешься, я возьму Алёнку и Марка, и мы поедем искать тебя по всему району.

Да, сейчас я нагло манипулирую старшим сыном, напоминая ему, что у него есть брат и сестричка, которые в случае его ночного бунтарства испугаются его побега.

— И мы тебя найдем, Арс, — шепотом и с угрозой добавляю я.

— Да блин, — фыркает он и выскакивает на улицу.

А я в комнату Аленки. Ее окна выходят на “парадную” часть дома, а не на сад.

И Глеб верен своим привычкам.

Перед пробежками он всегда разминается и разогревается. Сейчас он, конечно, немного затаил с зарядкой, но я подозреваю специально. Ждал Арса, который выходит на улицу, встает в стороне и начинает делать боковые наклоны. Очень злые и напряженные наклоны.

По щеке ползет предательская слеза, которая смогла проскользнуть через мою оборону.

— Мам, — сонно ворчит Алёнка, — это ты?

— Да, милая, — сажусь на кровать и целую ее в теплый лоб. — Это я.

— Мне плохой сон приснился, — переворачивается на бок, сует ладошки под голову и закрывает глаза, — а еще...

— Что?

— Ругать не будешь?

— Не буду, — я вся напрягаюсь от тихого шепота Аленки. — Честно-честно.

— Я, — вытаскивает телефон и протягивает его мне, — переписываюсь...

— С кем?

— Я не знаю, — шепчет Алёнка. — Она сама первой написала. Дружить хотела. Ничего такого, мам... Три дня назад написала. Надо было сразу сказать, да? Но там, правда, ничего такого. Привет и как дела...

Глава 17. Ты тут?

— Я хотела раньше сказать, — тихо оправдывается Аленка. — Ты же всегда просила не скрывать ничего.

— Тише, моя хорошая, — касаюсь ее головы. — Не переживай.

— Вот сон приснился, что... что надо сказать, — тяжело вздыхает.

У моей малышки сработало предчувствие? Аленка садится, тянется к телефону, чтобы его разблокировать. Находит среди разноцветных иконок значок социальной сети, в которой она зарегистрировалась с моего разрешения и с обещанием не сидеть в ней круглыми сутками.

Я, конечно, могла запретить, но тогда бы Аленка ушла в подполье. Оно мне надо? Закрылась бы и все равно зарегистрировалась под вымышленным именем, ведь все подружки уже там.

И надо сказать, что у Аленки дикий интерес к своему аккаунту быстро угас. Так, иногда пишет умные для ее возраста мысли, делится короткими видео из сети с отрывками из мультфильмов, сериалов. Ничего пугающего и запрещенного.

Ее страничка у меня в закладках, и я иногда ее просматриваю. Самой однажды хотелось создать аккаунт и прийти пообщаться с дочуркой под ее постами, но это, как сказал бы Арс, было бы кринжово.

— Вот, — открывает мессенджер в боковом меню.

На аватарке какая-то непонятная мультяшная девочка с большими глазами на пол-лица.

Тутси Путси.

— Тутси Путси? — спрашиваю Аленку, которая пожимает плечами и приваливается ко мне.

Я ее приобнимаю и хмурюсь на экран. Действительно, ничего такого подозрительного на первый взгляд. Привет, как дела, и мастерский уклон от вопроса Аленки “кто ты”.

Тутси Путси: Я просто гуляла по страничкам. Увидела тебя. Классная фотография. Это ты с мамой и папой?

А Аленка ей отвечает: Как тебя зовут.

Тутси Путси: Потом скажу.

Аленка: Скажи сейчас.

Тутси Путси: У тебя много друзей? У меня нет.

И грустный смайлик со слезами.

Аленка: Как тебя зовут?

Перевожу взгляд на Аленку, и та слабо улыбается. В моей дочери много упрямства, и я сейчас я горжусь тем, что она не отступила от своего желания, как зовут Тутси Путси.

Судя по переписке Тутси Путси отступила на сутки и пришла на следующий день.

Тутси Путси: Привет, да, я должна сказать свое имя. А то как-то невежливо.

Аленка: Говори.

Тутси Путси: а я могу тебе доверять? И мы будем дружить? Да?

И сразу отвлекающий маневр. Милый пушистый котенок.

Тутси Путси: это Маря. А у тебя есть домашние животные?

Вот же сука. Какая хитрая и пронырливая. Все дети любят животных, а у нас только золотая рыбка, которая живет в кабинете Глеба под замком.

Сначала аквариум разбили Арс и Марк в своей потасовке, а потом Аленка развела в воде акварельную краску, чтобы вода была цветной и чтобы рыбке было весело.

Вот Глеб и принял решение на пару недель дать рыбке отдохнуть в тишине и спокойствии.

Тутси Путси: А ты любишь собак или кошек?

Аленка: кошек, но мама не разрешает.

Тутси Путси: мама вредничает, да?

Я вздыхаю, и Аленка поднимает на меня печальный взгляд. Да, я кошку не разрешаю, потому что боюсь за ее кошачью психику. Даже рыбка у нас дерганная стала.

После сообщения Тутси Путси Аленка замолкает в переписке. Видимо, поняла, что сболтнула лишнего, и на сообщения “ты тут?”, “чего молчишь?”, “эй?” не отвечает несколько часов.

Тутси Путси: я хочу быть просто другом, который выслушает и, может, подскажет, как уговорить взять котенка. Я знаю много хитростей.

Знает он, сука мерзкая, много хитростей.

— Мам, ты злишься?

— Нет, зайчонок, не злюсь, — и шепот у меня выходит скрипучим и сдавленным. — Ладно, злюсь, но не на тебя. Совсем не на тебя, — касаюсь ее теплой щеки. — Я тебя люблю. Ты у меня умничка.

Возвращаюсь к сообщениям.

Аленка: я с мамой не хитрю.

Ты же мое золотце. Закусываю губы, чтобы не разреветься.

Тутси Путси: а с папой хитришь?

Аленка: нет.

Тутси Путси: любишь его? Ты, наверное, его любимица. Папы очень сильно любят дочек.

Аленка опять пропадает с радаров. Сыпятся сообщения “Опять убежала?”, “Где ты?”, “Не молчи”, “Я же волнуюсь”, а затем летят фотографии котенка.

— Вот гадина, — шепчу я.

И последнее сообщение от Тутси Путси: Ален, не молчи. Ну, чего ты? Как у тебя дела?

Сообщение отправлено сегодня днем. До встречи с Наденькой в милом уютном кафе. И уверена, что это она.

— Какая-то она приставучая, — вздыхает Аленка. — Так и не сказала, как ее зовут.

Касаюсь экрана пальцами и печатаю сообщение: Надя, ты тут?

— Надя? — удивленно спрашивает Аленка. — Ее зовут Надя?

Я молчу, кусаю ногти и через минуту прилетает сообщение от Тутси Путси:

“Тут. Что-то случилось?”

— Как ты узнала ее имя? — Аленка округляет глаза. — Мам?

Глава 18. Я не хотел всего этого

— Развод, значит? — Арс дышит тяжело и смотрит на меня исподлобья. — А что так? Мама вон тебя, похоже, простила и поняла. Нет?

— Я с разводом уйду ни с чем, — сажусь на скамью и откидываюсь назад, вытягивая ноги. — Простила и поняла она меня, как человек человека, а не как женщина, — поднимаю взгляд. — Ты и сам однажды поймешь меня, как человек человека, но, как сын, нет. Некоторые вещи понимаешь только под одним углом, а под другим никогда не примешь.

— Хрень какая-то.

— Как и вся жизнь, — слабо улыбаюсь. — Я люблю вас и не хочу терять семью, но... я соглашусь с твоей мамой, что сейчас... — к горлу подкатывает ком, но я его сглатываю, — сейчас той семьи, которой у нас была, уже не будет. Другая женщина беременна от меня. Это факт. Даже при условии того, что я минимизирую общение и сведу все к тому, что буду только обеспечивать этого ребенка без вовлечения в пеленки и распашонки, то это ничего не успокоит и не сравняет.

— А избавиться от него не судьба? — глаза Арса недобро вспыхивают.

— Я не тот человек, который будет способен на подобное, — твердо смотрю в его глаза. — Можешь принять это за слабость. У нее уже живот есть.

— Мама не должна от тебя рожать четвертого...

— А это уже не тебе решать, Арс. У нас...

— Нет никакого нас! — повышает голос.

— Есть. Вы мои дети, и все, чего я достиг в нашей семье, то останется в семье. Только меня юридически не будет.

— Что?

— Согласись, кому нужен дядька не первой свежести с небольшой зарплатой преподавателя?

Арс недоуменно моргает, садится рядом и хмурится.

— А если еще алименты поделить на всю ораву, — я усмехаюсь. — Сам буду, похоже, жить в общежитии для преподавателей и жрать макароны с луком.

Арс переводит на меня взгляд:

— Ты, что, все оставишь маме при разводе?

— Не маме, а вам, — пожимаю плечами. — И тебя бы уже пора потихоньку втягивать во все мои дела. Может, вместе с Марком. Вот будете сидеть: ты, Марк, мама, мои юристы и ковыряться. Я, конечно, тоже буду там. Хм, буду консультантом. Или думаешь, мама меня не возьмет консультантом?

— Что? — Арс опять ныряет в недоумение. — Пап, какого черта?

— Я так боялся смерти, Арс, — перевожу взгляд на фонарь. — Мне сорок пять. Я вижу в зеркале не мужчину, а мужика, который седеет.

— Поэтому и шлюху завел?

— Со шлюхой, Арс отдельный разговор, — медленно выдыхаю. — Все эти попытки раскачать молодых и дерзких, толкнуть их... Я толкал себя, Арс. Я видел в этих горящих глазах, энергии себя молодого, и через них проживал свои взлеты и падения. Мне так не хватало этого драйва, сложностей...

— Ты поймал кризис? Как его там? Кризис старости?

— Кризис среднего возраста, — возмущенно отсылаюсь я.

— Я привык к борьбе, но к борьбе за деньги и успех, но не за жизнь, Арс.

— Пап.

— У меня подозревали нехороший диагноз, Арс, — устало всматриваюсь в его удивленные глаза. — И не такого драйва в жизни я ждал в сорок пять. И, похоже, на другой драйв мне и не стоит сейчас рассчитывать, — я смеюсь. — Дальше ведь больше, да?

— Пап...

— Я переключился не на то, что должен был. Вот тебе и результат, Арсений, — хмыкаю. — И знаешь, если бы не твоя мама, которая задавила в себе женскую обиду и не позволила себе слететь с катушек, то я бы не сидел сейчас здесь. Вся власть над семьей, над вами у нее в руках. И согласись, держится она хорошо.

— Не знаю... — неуверенно отвечает Арс.

— Очень многое зависит от женщины, — вновь смотрю на тусклый фонарь. — Да, в сорок пять лет надо искать не драйв, а уже житейскую мудрость.

— Я не понимаю, как все теперь будет, — стягивает шапку с головы.

— Верни шапку на голову. Ты вспотел, Арс.

— Да блин, — сердито возвращает шапку на голову. — Достали.

— Давай домой, — встаю и разминаю плечи. — Завтра твоего директора в школе никто не отменял.

— Впервые мне стремно, что вас вызвали в школу, — глухо отвечает Арс и нехотя поднимается на ноги. — Это какая-то жопа. Бесите.

Я рывком притягиваю его к себе и крепко обнимаю. Он напряжен, и со злостью медленно выдыхает, но не отбивается.

— Я не хотел всего этого, Арс, — говорю я. — Прости меня.

Отстраняется, поджимает губы, разворачивается и бежит по дорожке среди голых кустов, выдыхая густой пар.

Глава 19. Не говорите им

Надя, конечно, практически сразу поняла, что сглупила, и на мое сообщение “Ах ты, дрянь, все-таки полезла к моим детям” вылетело уведомление, что Тутси Путси ограничила круг лиц для отправки сообщений. Она внесла аккаунт Аленки в черный список.

Я делаю скрины сообщений и скидываю их себе. Аленка рядом шепчет:

— Мам.

Откладываю телефон и тяжело вздыхаю. После укладываю Аленку на подушки и шепчу:

— Я и папа тебя очень любим, милая.

Аленка хмурится. Господи, мне сейчас даже дышать тяжело. Мои дети не должны были столкнуться с той стороной реальности, в которой их папа своей безответственностью разрушит их уютный мир.

— Слушай, ты молодец, что сказала мне про Тутси Путси, — я слабо улыбаюсь. — Это... это не подруга, Алена. Это... — медленно выдыхаю, — знакомая папы. Ее зовут Надя, и она... — подбираю слова, — завидует нам, и хотела с тобой подружиться, чтобы узнать наши секреты.

— Шпионка?

— Да, я думаю, что она хотела через тебя шпионить за нами и подобраться к тебе поближе, — шепчу я. — А затем бы попыталась нас рассорить, настроить против меня.

— Но я же ничего такого не написала ей.

— Ты умная девочка, — кладу ей ладонь на теплую щеку. — И умничка. И знаешь, некоторые люди могут пойти на большую ложь, чтобы рассорить близких, поэтому я тебе и говорю, мы все тебя очень любим. Так было, есть и будет.

— Я знаю. И я вас всех люблю, — Аленка зевает.

— Спи.

Аленка закрывает глаза, опять зевает и затихает. Сажу на краю кровати и смотрю в одну точку.

Мы должны справиться.

Надя сделала ставку на то, что я психану и что кинусь в женскую ярость, которую я обрушу на Глеба.

Она еще слишком молода и не понимает, что в многолетнем браке с детьми женская гордыня уступает место рациональности. Если, конечно, рядом мужик не совсем идиот.

За все годы я ни разу не усомнилась в своем выборе стать женой Глеба, который был хорошим мужем и отцом. И как бы я сейчас ни злилась на него, я не умаляю его достоинства в нашем браке. Я была с ним счастливой и уверенной женщиной, которая теперь должна сохранить свою женскую силу и авторитет.

Аленка тихо и сладко посапывает. Бесшумно встаю, подхватив ее телефон, и выхожу из комнаты, тихонько прикрыв дверь за собой.

Шагаю к лестнице. Я хочу еще чашку ромашкового чая. Сна ни в одном глазу. Поскрипывает входная дверь, и в дом ныряет раскрасневшийся Арс. На несколько секунд замирает, скидывает кроссовки и поднимается ко мне, стягивая шапку.

— Привет, — шепчу я.

Останавливается передо мной и медленно с легкой хрипотцой выдыхает:

— Мы говорили о разводе.

— Ясно, — приглаживаю его влажные от пота волосы. — Что думаешь?

А у самой сердце замедляет бег и вот-вот остановится.

— Честно?

— Конечно.

— Меня все это бесит, — зло щурится. — Ты бешишь, папа бесит. И я его...

— Ненавидишь? — предугадываю ответ сына.

А он замолкает, скрипит зубами и рычит:

— Нет.

Его глаза краснеют, выступают слезу, и я его прижимаю к себе в крепких и удушающих объятиях. Он глухо всхлипывает, его плечи вздрагивают, и он плачет. Я кладу ладонь на его влажный затылок, и принимаю его страх, отчаяние и злость, которые выплескиваются из него слезами.

Отстраняется, кулаком вытирает слезы и приваливается к стене, опустив взгляд. Я беру его за руку, крепко сжимаю, и мы молчим около минуты.

— Не говорите Аленке и Марку обо всем, — смотрит на меня. — Не надо.

Я не знаю, что ему ответить.

— Я... должен был знать, но не они, — он сглатывает. — Пофиг на развод. Что-нибудь придумаем для них, но... мам... не все это.

Сглатываю.

— Или ты уже все сказала? — едва слышно спрашивает Арс.

— Нет, — качаю головой и сжимаю телефон Аленки. — Спят они. И ты иди. Только душ прими.

— Без нотаций даже сейчас не можешь? — недобро хмыкает.

— Не могу, — пожимаю плечами. — Ты жутко воняешь, Арс. Аж глаза слезятся.

Он неожиданно смеется и шепчет, тихо шмыгнув:

— Это точно.

В дверь входит Глеб, и Арс переводит на него тяжелый взгляд. Смотрят друг на друга. Прямо и твердо.

— Спокойной ночи, — говорит Арс ему, и тот в ответ коротко кивает.

Арс поднимается на второй этаж, а я неторопливо спускаюсь к Глебу, от которого тоже жутко тянет густым потом.

— Не спишь? — спрашивает он.

— Она на Аленку вышла, — встаю перед ним и поднимаю взгляд. — Дружить хотела.

Глава 20. Не твое дело

— Что ты молчишь? — спрашиваю я, и Глеб поднимает на меня взгляд.

— У меня вопрос, — он недобро шурится. — Ты продолжишь меня дергать по вопросу Нади? Ведь так?

— Она писала нашей дочери.

— Да, я даже прочитал переписку, — Глеб кивает. — И я зол. Но если я скажу, что это моя забота, то ты ведь не успокоишься. Так?

Как же мне успокоиться? Это мелкая стерва зашла с самого слабого члена нашей семьи.

— И ты рвешься в бой, — Глеб шурится.

— Да, — честно отвечаю я. — Я ее предупреждала, чтобы она не лезла к моим детям.

— Нашим, — строго поправляет Глеб. — Это наши дети, Нина. И знаешь, чем закончится твое желание сейчас лезть в историю с Надей и контролировать ее? М?

Я тоже в ответ шуюсь.

— Тем, что тебе станет ее жалко.

— Неправда.

— Ты мне выжрешь мне весь мозг, — Глеб понижает голос до злого шепота, — а потом начнешь капать в мою пустую черепушку, что это мой ребенок, что он не виноват.

— Неправда.

— Правда, — Глеб с угрозой улыбается. — Ты передала мне информацию о переписке. Теперь я сам буду думать, как мне быть.

— А как ты будешь?

— Хватит, Нина. Думай сейчас о нашем четвертом ребенке, хорошо?

— Нет, ты меня в это втянул...

— Хватит, — повторяет Глеб. — Достаточно. Я не должен был тебя везти на встречу с ней. Это была моя ошибка. Теперь мы займемся разводом.

У меня дрожат губы. Говорит таким тоном, будто обсуждает со мной покупку новой машины. У нас семья рушится.

— Без развода у нас с тобой ничего не выйдет, Нина, — всматривается в мои глаза. — и вопрос даже не в финансах, недвижке и прочих вещах, а в том, что если я останусь рядом с тобой в роли мужа, все извратится. Ты будешь лежать со мной в одной кровати и думать о Наде и ее ребенке...

— Это и твой...

— Вот! — он вскидывает в мою сторону руку. — Об этом я тебе и говорю, Нина! Ты, мать твою, еще однажды проснешься с желанием увидеть этого ребенка, потому что у тебя разбушуются гормоны! Я тебя знаю! Я три беременности прожил с тобой! Ты, Нина, к бом-зам пузатая со слезами рвалась в желании им помочь! Рыдала над старушками, которые мило ходили и гуляли в парке! Ты вспомни себя, когда ты родила Марка!

Поджимаю губы.

— Ты накормила чужого ребенка грудью, потому что он кричал! А его мама просто в туалете задержалась!

— Он голодный был, — шепчу я и отвожу взгляд.

— А твои попытки рвануть в детский дом, когда у тебя Аленка в животе была? М? Ведь там деткам не хватает материнской любви! — кричит на меня шепотом, а затем прикладывает руку к груди, — Нин, я тебя люблю, но у тебя мозги спекаются от гормонов. Ты когда Арса вынашивала, то ревела над разбитыми чашками и отказывалась их выкидывать, потому что им будет страшно! Страшно! Нина! И что ты делала?

— Отстань, — цежу я сквозь зубы.

— Ты их склеила и даже пыталась пить чай, — Глеб чеканит каждое слово. — А я... а у меня нет над тобой власти, Нина, а в такие моменты я сам начинаю растекаться.

Встает и вышагивает из стороны в сторону. Останавливается перед столом:

— Мы разводимся в срочном порядке. Я нанимаю юристов, — его голос становится твердым.

— Я поняла... Ты бежишь от меня, да?

— Бегу, — он не отводит прямого взгляда, — Нин, это ты ведь начнешь проталкивать идею забрать у Нади ребенка себе.

— Нет.

— Да ты что?

Замолкаю и медленно сглатываю. За это безумный вечер в моей голове уже несколько раз пролетела мысль, что этого ребенка, которого зачали в туалете, не ждет ничего хорошего. Он для Нади — лишь средство, и если она не получит того, что желает от Глеба, то его жизнь не будет счастливой и беззаботной.

Проклятье.

— Я — дурак, Нина, а ты — дура, и поэтому я буду решать вопрос с Надей отдельно от тебя. Никаких больше встреч с ней, — выдыхает через нос. — И никаких разговоров.

— И как ты будешь решать этот вопрос?

Опирается ладонями о стол, поддается в мою сторону и шепчет:

— Прозвучит грубо, но... это не твое дело. Я с тобой развожусь, и тебя ждет головокружительное переоформление моего бизнеса на твое имя. Я предложу свою кандидатуру на роль исполняющего обязанности на минимальном окладе.

— А я тебя не возьму, — не подумав, говорю я.

— Твое дело, — скалится в улыбке.

— Ты решил все начать за нового с молодухой? — едко спрашиваю я. — Так и скажи. Что тут разыгрываешь карту благородства?

— Да ни одна молодуха мне так не изнасиловала мозг, как ты, — шипит Глеб. — Если и начну с нуля, то гордым и одиноким орлом, чтобы бывшая чокнутая жена восхитилась моим упрямством.

— И про птенчика от юной голубки из туалета ты подзабыл.

— Заткнись, Нина, — рычит Глеб, и его глаза вспыхивают. — И я тебе это говорю с большой любовью и уважением. А теперь иди спать, — поскрипывает зубами. — Тебе сейчас важно выспаться.

Глава 21. Не натягивается шкурка

— Да я у тебя разом стала неадекватной истеричкой с пузом, да? Здорово ты все перевернул, — говорю я после минуты молчания. — К бомжам рвалась? Ты про того избитую женщину, которая лежала на тротуаре и все проходили мимо, а я решила, что ей нужна помощь? Да, не в брендовых шмотках она валялась.

Выдыхаю и сжимаю кулаки:

— А про накормленного ребенка что-то ты упустил самое важное. После этого я учила маму прикладывать малыша к груди, — злым шепотом продолжаю я. — И мне были благодарны, Глеб, потому что внезапно кормить дитё тоже целая наука. Это вам мужикам на всех кругом наплевать.

Сердито щурится.

— А бабульки тогда говорили об умерших мужьях, — цежу я сквозь зубы. — Вспоминали знакомство с ними. Да, это грустно, что человек стареет, а потом еле передвигается и вспоминает о молодости, в которой он любил.

Медленно выдыхаю:

— И плакала я рядом с тобой всегда, потому что доверяла тебе, потому что не боялась быть душой, — делаю паузу. — Удобно устроился, нагулял ребенка, а мне теперь и слова не скажи, потому что буду истеричкой. Ты вынуждаешь меня молчать, чтобы не оказаться в твоих глазах идиоткой, но это не я пришла к тебе с новостью, что залетела по-пьяне от молодого парня.

— Нин, прекращай.

— А я не буду прекращать, — чеканю каждый слог, — И если я такая дура, что же ты не боишься оставить мне свой бизнес? Меня невозможно контролировать, как ты сказал. Как-то не сходится.

— Я просто хочу, чтобы ты сейчас прекратила качать лодку! Нина! — повышает голос, а затем сжимает переносицу.

— Только вот за нашей лодкой следует другая, Глеб, и та, которая в ней сидит, усиленно гребет веслами! И что с разводом, что без, эта лодочка не исчезнет! Ты предлагаешь мне ее игнорировать! И еще смеешь со мной разговаривать в ультимативном тоне! Заткнись и помалкивай, пока я тут думаю, что делать! И вот теперь я все переверну с ног на голову, мой хороший. Тебе развод нужен, чтобы по-тихому и без лишних моих истерик жить на две семьи. А если я буду истерить, то ты просто слиняешь, потому что я тебе сожрала мозг, истеричка такая. И все оставляешь мне, чтобы обрубить мои возмущения, ведь какой ты благородный, етить-колотить! Мне твое благородство ни в одно место не уперлось!

— Согласен, — Глеб вздыхает и откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди. — Перевернула так перевернула.

— И если я захочу, — щурюсь на него, — то буду пузатой истерить, плакать и выносить тебе мозг, потому что имею полное право. Потому что в остальное время я понимающая и мудрая! И именно я сейчас склеиваю чашку нашей семьи, которую ты, мерзавец, разбил, чтобы у тебя была возможность из нее выпить. Но, может, мне не склеивать и раздробить все в крошку? А после выкинуть тебя из нашей лодочки в озеро, и греби, козел ты такой, к молодой и зубастой. Вот она точно не будет над старушками плакать и над избитыми женщинами в грязной одежде. И никому не станет помогать. Может, это то, что тебе и надо? А?

— Нет, мне это не нужно.

— Так и мне не нужен муж, который меня затыкает, — сжимаю кулаки. — Вылил на меня помой и обтекай, дорогая? На себя примерь мою шкуру, Глеб. Давай. Пришла я к тебе беремен-

ная от другого мужика и давай оправдываться, что это по-пьяне, не по любви, и вообще случайно. Шла и упала пьяная на мужика, но ты не раскачивай лодку, дай мне самой все решить.

— У тебя бы был контроль, — недобро ухмыляется. — И решить ты все могла на ранних сроках аборт, и я бы ничего не узнал.

Тоже откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

— Не натягивается шкурка, Нин, — Глеб щурится.

Подпираю лоб кулаком и выдыхаю:

— Согласна, — кривлю губы. — Мерзость какая-то выходит.

Молчу несколько секунд и поднимаю взгляд. Все эти разговоры о Наденьке и ее ребенке на самом деле меня отвлекают от моей главной проблемы, о которой мне даже думать страшно.

— А потяну ли я четвертого? — тихо спрашиваю я. — Может...

Глава 22. Ты не простишь

— Нет! — Глеб повышает голос и бьет кулаком по столу. — Мы ведь приняли решение! Нина! Не смей, — его голос вибрирует гневом, — слышишь?

— Мы же разводимся, ты сбегашь от чокнутой жены-истерички...

— Ладно, — стучит пальцами по столешнице, — не разводимся. Решим все без развода. Другой вопрос, Нина, ты сама на такое согласна, а?

Мой муж меня за эти годы хорошо изучил. Развод не ему нужен, а мне. Он-то, как мужик, вполне сможет жить в браке после случившегося. А я?

И его провокации, возможно, была моей проверкой на прочность, а я взяла и швырнула ему в лицо козырную карту с собственным ребенком. Немного надавил, и я начала сдавать позиции.

— Ты же все все-равно приведешь к разводу, Нин, — он медленно моргает. — Так ведь? Давай честно, раз ты отказываешься идти спать. Я тебе могу предложить такой вариант развития. Мы муж и жена, и ты доверишься мне, позволишь оглядеться по сторонам, понять, как быть и как выбраться из всего этого без потрясений для детей. Одного мы встряхнули. Ты довольна результатом?

Я закрываю глаза.

Не выйдет у нас сохранить хорошую мину при плохой игре и залатать эту огромную трещину, что прошла по нашей семье.

— Я не хочу развода, Нин, — тихо говорит Глеб. — Но лучше сейчас его принять, чем потом прийти к нему озлобленными, раздраженными и вымотанными.

— Но это будет не тот развод, который мне нужен, — смотрю на него. — У нас трое детей, будет четвертый...

— Окончательно избавиться от меня тебе не получится. Да, — Глеб улыбается. — Я, конечно, могу исчезнуть с горизонта и, как ты сказала, уйти к молодухе, но мне этого не надо. Но что-то мне подсказывает, что для тебя такой вариант был бы предпочтительнее. Я исчезаю, рву связь с тобой, детьми, наслаждаюсь новой жизнью. Вон как ты оживилась, как только немного оскалили зубки. И намек нет на обморок.

— Да, — честно отвечаю я.

— Такого не будет, Нин, — пожимает плечами. — И ты согласна, что ты в нынешних обстоятельствах вынудишь нас на развод?

— Да, — прячу лицо в ладонях, опершись локтями о стол. — Мы все равно придем к разводу. И я тебя возненавижу в этой игре тупой жены, которая делает вид, что ничего не произошло.

— Я знаю.

— Вот и посмотрим, — подпираю подбородок кулаками, — насколько твои слова о том, что тебе не нужна молодая и зубастая студентка. Да? В разводе-то не будет никаких ограничений для тебя.

— Отлично, — хмыкает Глеб. — Развод станет проверкой для меня. Ну... — вглядывается в глаза, — это ведь какой вызов для нищего препода с благородной сединой в волосах впечатлить богатую и независимую бизнесвумен. Готова к ромашкам?

— Что?

— Ромашки тебе буду рвать, заворачивать их в газетку и с придыханием дарить. Надо еще портфельчик потертый прикупить.

— Несмешно, — зло шепчу я.

— Значит, ромашки будешь выбрасывать? — Глеб вскидывает бровь. — А ведь сердце у преподав не первой свежести хрупкое и ранимое, Нин.

— Хватит.

— И шутки у них совсем несмешные. Возраст, сказывается, — шуруется.

— Ты... — встаю, всплеснув руками, — ты... — слезы жгут глаза, — почему ты не можешь быть обычным, мать твою, козлом, которого переклинило на молодой шлюхе, ради которой готов от всех и вся отказаться? Мне бы было куда легче, если бы ты оставил меня ни с чем, если бы устроил вакханалию с судами, угрозами!

— А я не такой, — Глеб вздыхает. — И да, зря я тебе про твои гормоны сказал. И смотри-ка, у меня ведь не вышло заткнуть тебе рот. Опять. Тебе совершенно наплевать на мои приказы.

— И не заткнешь. И я тебе не собака, чтобы приказы твои исполнять.

— Я прощупал с тобой почву и понял, как мне себя вести, — Глеб мягко улыбается. — Убедился, что мне будет очень сложно, и узнал твои мысли о всей ситуации в целом, поэтому я займу тебя разводом, бумажками, встречами, чтобы тебе, моя милая, было некогда думать о второй лодочке в озере.

— У меня еще своя работа.

— Не мои проблемы, — встает и поправляет на спине капюшон. — Никто не говорил, что развод это весело. А теперь я пойду в душ, постелю себе на диване и лягу спать. Нам еще завтра с утра пораньше слушать директора и учительницу Арса, а они мне тоже, как и ему, не нравятся. Две противные одинокие бабы. Если не выплусь, то вывзерюсь на радость Арсу.

— Я принесу тебе постельное, — шагаю мимо, и Глеб хватается меня за руку.

— Наш ребенок должен родиться, Нина. Аборта ты, как и я, себе не простишь.

Глава 23. Я тебе поверил

Просыпаюсь оттого, что кто-то рядом хлопает и чем-то хрустит. Открываю глаза. Под боком устроилась лохматая Аленка. Сидит в полумраке по-турецки, ест хлопья с молоком и смотрит на планшете мультики без звука.

Замечает, что я проснулся и тихо спрашивает:

— А почему ты на диване спишь?

— А ты чего так рано проснулась?

— Не знаю, — пожимает плечами. — Захотела хлопьев. Вы с мамой поссорились, и она тебя выгнала на диван?

— Ну... — улыбаюсь Аленке. — Можно и так сказать.

Аленка отставляет миску с остатками хлопьев, выключает планшет и ложится рядом. Обнимает тоненькими ручками и тяжело с большим сочувствием вздыхает, а после шепчет:

— А мне не разрешают спать на диване.

— Тебе не нравится твоя кровать?

— Нравится, — отвечает Аленка, — но иногда хочется поспать на диване. Вот прям всю ночь.

Целую ее в макушку, которая пахнет клубничным шампунем и вновь откидываюсь на подушку.

Мне мутно. Хочется Нину жестко продавить под себя, заставить быть тихой и сыграть в игру “ничего не было и все хорошо”, но она даст отпор. И, на самом деле, она этого только и ждет, чтобы броситься в атаку.

Несколько грубых продуманных фраз ночью, и глаза загорелись, но, возможно, теперь Нина хотя бы на время не будет жрать себя поедом из-за ребенка, которому не повезло.

Да, это была наглая манипуляция. Разозлить, задеть ее самолюбие и связать мысли о Наде и ее животе с обидой за мои слова о ее беременных истериках. Опасный ход, но жалость Нины к ребенку, зачатому в туалете в сильном опьянении, мне не нужна.

Я пытаюсь найти во всем этом безумии рациональное решение, которого, возможно, и нет.

— Па, — сонно шепчет Аленка. — Я уже маме сказала... Я переписывалась с одной...

— Мама мне сказала.

На меня накатывает дикая злость.

И при всех своих размышлениях о сложившейся ситуации я хочу остаться не мразью, а человеком. Реально ли это?

Жену хочу задавить, зубастую Надежду стереть в порошок. Избавиться от нее вместе с пузом, но к чему все это приведет?

— Ален, — прижимаю к себе дочь, — я тебя очень люблю, и ты должна в это верить.

— Я верю.

— Верить во что бы то ни стало, — шепчу я в ее запутанные волосы. — Слышишь? Даже когда мама и папа ссорятся, мы вас очень любим.

— Я знаю.

— Ален, — прижимаюсь щекой к ее макушке. — Та, кто тебе написала, не хочет, чтобы мама и папа были вместе.

— Мама сказала, что нам могут завидовать.

— Могут так завидовать, что хотят разрушить все, — продолжаю шепотом я. — Сделать больно, наговорить гадостей, сделать близких людей врагами, навредить...

Аленка садится и хмуро глядится в мое лицо.

— И та, кто тебе написала, такой человек, — серьезно говорю я. — Это моя вина, что я не увидел в ней плохих намерений, которые коснутся вас. И она хочет отобрать у вас все. Меня, наше благополучие, наше доверие. И сейчас с мамой... Должны защитить вас, поэтому...

— Поэтому они должны развестись, — раздается тихий голос Арса, который заходит в гостиную.

Аленка со страхом смотрит на него и бледнеет. Арс садится, опять зевает и подхватывает миску с размокшими в молоке хлопьями.

— Иначе у нас все заберут, — Арс отправляет ложку в рот и спокойно смотрит на Аленку.

Глокает и улыбается:

— Даже дом.

— Что? — охает Аленка.

— Ну, вот так, — пожимает плечами Арс, — поэтому папе надо оставить все нам и маме, сыграть, что он ушел от нас, чтобы к нам не лезли всякие нехорошие люди и не могли забрать, например, твоих кукол.

— Что? — пищит Аленка.

Мой сын пришел, встал рядом со мной под каменным градом и накрыл мою тупую башку щитом.

— Да, могут и кукол забрать, — Арс невозмутимо жует. — А новых можем и не купить, потому что опять придут.

— Я так не хочу, — Аленка хмурится.

— Поэтому наших врагов надо обмануть, — Арс откладывает ложку и выпивает молоко из миски, которую отставляет и вытирает губы. — И не только обмануть, но и никому не верить кроме меня, Марка, мамы... — делает паузу, кинув на меня мрачный взгляд, и добавляет, — и папы.

— Куклы только мои, — Аленка зло сползает с дивана, одергивает пижаму и щурится на Арса. — Не отдам.

— А мы ничего не отдадим, — Арс тоже щурится, — но в этом нам помогут только мама и папа. И мы им верим?

— Да, — Аленка хмурится.

— Разбуди Марка, — Арс зевает. — Надо и его предупредить, а то он потом ныть будет, что от него все скрывают. Только маму не разбуди.

— Ладно, — Аленка кивает, пятится и скрывается за дверью на носочках.

Арс приглаживает волосы, и я шепчу:

— Спасибо.

Я едва сдерживаю в себе порыв прижать к себе Арса, но ему сейчас не нужны объятия.

— Я тебе поверил, — переводит на меня темный взгляд. — Ты всегда был за нас.

Накрываю рукой глаза, которые краснеют от слез стыда и благодарности, и выдыхаю:

— Спасибо...

Выжидаю пару секунд и сажусь. Сидим в тишине. Отец и сын. Вот только недавно орал на полу среди разбросанных игрушек из-за того, что сполз носочек. Вырос.

— Стремно быть старшим, — недовольно фыркает, — но зато как мне в рот заглядывают, — разворачивается ко мне, — маму и папу можно не слушать, а вот старшего брата... тут без вариантов. А следующий так вообще будет боготворить.

— Вероятно так и будет, — соглашаюсь я.

— Так рано, — в гостиную заползает Марк и ложится на пол. — Вы совсем обалдели... Блин... Спать хочу...

— Вставай, — за ним появляется Аленка, которая хватается за руку и тянет на себя. — У нас семейный совет... Без мамы.

— Не хочу.... Я заболел, — наигранно кашляет, — у меня температура... Отстань...

Отмахивается от Аленки и сворачивается на ковре в позу эмбриона:

— Надоели... Даже мама еще спит...

Встаю и шагаю в сторону столовой:

— Я пойду завтрак готовить. Есть особые пожелания?

И Марк ведется на мою хитрость.

— Сосиски, — приподнимается на локтях. — Жареные.

Глава 24. Будь в курсе

Выползаю из спальни и удивляюсь тому, что мои дети выходят из своих комнат уже при всем параде. Умытые, одетые, причесанные и рюкзаками в руках.

Так. Я собиралась их в панике будить и угрожать тем, что они опоздают в школу, но он меня сейчас удивляет меня своей собранностью. Даже Марк не зевает с нытьем, что ему все надоело.

— Никому кукол я не отдам, — Аленка обнимает меня и важно шагает к лестнице. — Даже старых.

— И теперь мы будем боссами, — передо мной останавливается Марк и поправляет цветастый школьный галстук. — Биг-боссами.

— Чего? — сипло отзываюсь я.

— А секретаря мне можно? — Марк улыбается.

— Иди, — его в спину толкает Арс. — Секретаря ему. Сам уроки будешь делать.

— Но а тогда смысл в чем? — Марк оглядывается.

— Ну уж не в том, чтобы тебе кто-то уроки делал!

— Вот же фигня какая!

Дожидаюсь, когда Марк скрывается на лестнице, и перевожу недоуменный взгляд на Арса:

— Что происходит?

— Пап, мне секретарь будет положен, нет?

— Для чего? Для уроков?

— Ну, блин!

На второй этаж поднимается Глеб и говорит:

— Доброе утро, — заходит в спальню. — Я завтрак приготовил. Иди позавтракай.

— Мы пока с Марком порубимся в приставку, — Арс зевает и шагает прочь. — Зря, что ли, в такую срань встали. Марк!

— Чо?

— Врубай приставку!

— А мне можно с вами? — пищит Аленка. — Я тоже хочу! Ну, пожалуйста!

Глеб заходит в гардеробную, и я за ним:

— Что происходит?

Стягивает футболку, хрустит шейными позвонками и подхватывает вешалку с белой рубашкой:

— Давай сразу начнем с перевертышей, как мы любим, — накидывает рубашку на плечи. — Я спрятался за нашим сыном.

— В каком смысле?

— У старших братьев, оказывается, больше авторитета, чем у родителей, — застегивает рубашку. — Да. Мы бы со своими тупыми взрослыми попытками правильно объяснить, что нас ждет, все бы испортили.

— Ты сказал им про развод?

— И мне в этом помог Арс.

— Вот как, — приваливаюсь плечом к косяку.

— Мы бы с позиции родителя все сказали, — стягивает штаны и тянется к брюкам, — а он все пояснил с позиции брата, который поверил своему отцу.

— И за это, наверное, стоит сказать спасибо мне? Ты так не думаешь?

— А я не отрицаю того, что от матери многое зависит, — надевает штаны и застегивает ширинку. — Особенно воспитание в детях уважения к отцу. И, Нин, был разговор о разводе,

о защите семьи, но ни слова о ребенке Надежды. Я согласен с Арсом, что об этом Аленке и Марку не надо знать.

— Шила в мешке не утаишь, Глеб.

— Но ты не будешь поднимать эту тему с ними, — Глеб смотрит на меня прямо и даже с вызовом. — Если о каком ребенке ты скажешь, то только о нашем.

— И все твои планы скрыть свою ошибку однажды разрушит Надя.

— У меня сейчас план такой, Нина, — Глеб заправляет рубашку и затягивает ремень, — ты завтракаешь, прихорашиваешься. Потом мы с Марком к директору. Затем мы расходимся по своим делам. Арс на уроки бесить учителей, ты к женскому доктору, я собираю своих юристов, обсуждаю с ними нашу ситуацию, нахожу адвокатов по разводам. После обеда ты приезжаешь ко мне в офис, и мы начинаем веселье.

— Ты прямо-таки торопишься спихнуть на меня свои дела, — зло шурюсь. — У тебя, что, там проблемы нарисовались?

— Вот какого ты обо мне мнения? Считаешь, что я тот, кто решил спихнуть на жену долги, кредиты? — усмехается. — Серьезно, Нин? Ну, дорогуша, ты же у нас аналитик, и мне не получится тебя провести такой тупой схемой. Отчетность, счета, договора, бухгалтерия будет для тебя открыты. Уж сможешь сложить все это в одну картину перед тем, как ставить подписи, верно?

— Я не знаю, какого я сейчас о тебе мнения, и чего действительно от тебя ждать.

— Ну уж не подобной мерзости с навешиванием долгов и кредиторов, Нин, — понижает голос до гневного шепота.

— Все честно, — вскидываю бровь, — я для тебя неадекватная истеричка с пузом, а ты негодяй, который хочет подставить жену.

— Какая парочка, а? — Глеб шурится.

— А еще я могу взять и все просрать, что ты мне оставил. Не боишься?

— Да ты же решишь мне нос утереть, — Глеб недобро усмехается.

— Найду какого-нибудь молодого и дерзкого, и этот молодой и дерзкий обдерет меня, как липку.

— Беременная будешь искать молодого и дерзкого? Или с младенцем на руках? — Глеб накидывает на шею галстук

— Может, он сам меня найдет? — отвечаю с ревнивым вызовом.

— Да сдался он тебе, — завязывает галстук, не спуская с меня взгляда. — Нет, ну... Конечно, ты можешь мне отомстить, но у тебя очень высокие требования к мужчинам. А будут еще выше после моего невообразимого благородства при разводе. Обеспеченная женщина с бизнесом, четырьмя детьми и принципами обратит внимание на альфонса?

— А, может, это будет твой конкурент?

— Все мои партнеры и конкуренты женаты. Это не к тому, что они не могут обратить на гордую красавицу, которую я введу за ручку в свои дела, а к тому что женатики тебе не будут нужны. Я не просто так упомянул твои принципы, Нина.

— Хорошо устроился, — возмущенно шепчу я.

— Иди завтракать, — затягивает узел галстука, приподняв подбородок. — Я там тебе порезал маринованных огурчиков и полил их горчишкой, как ты любишь. И порезал аккуратными кружочками.

Медленно выдыхаю. Помнит о моем пристрастии к огуречным кружочкам с горчишкой, которое преследует меня при каждой беременности. И люблю я именно кружочки. Ни целые огурчики, ни полосочки, ни квадратики, а кружочки.

— И да, — говорит Глеб, когда я медленно отступаю. — У меня будет сегодня встреча с Надеждой. Тебя я не возьму, но будь в курсе.

Пока я справляюсь с накатившим гневом и ревностью, выходит в спальню. Шагает к комоду, с которого подхватывает черный флакон его любимого парфюма. Замирает, кидает на меня взгляд и отставляет на место.

Да, вероятно, у меня скоро проснется отвращение и к парфюму. Однако я тащусь от запаха дегтярного мыла, и ловлю себя на мысли, что надо бы прикупить кусочек этой жуткой вонючки.

Буду жрать огурцы и нюхать дешевое мыло. В соплях и слезах.

— Ладно тебе, — хмыкаю я и прохожу мимо Глеба, — надушись для Наденьки.

Вслед летит тяжелый и осуждающий вздох.

Приглашаю в мою новинку *“Развод. Вспомни, как мы любили”*. У героев все будет очень сложно. <https://litnet.com/ru/reader/razvod-vspomni-kak-my-lyubili-b457760?c=5294415>

— Я полюбил другую женщину, — говорит Виктор.

И я роняю ложку.

Звон.

А затем на пол летит и ведро с мороженым.

Глухой стук. Дверца морозильника медленно покачивается.

— И я... — Виктор тяжело вздыхает, — я так больше не могу, Маш.

Глава 25. Я не хочу, чтобы ты был рядом

— Вот! Посмотрите! — директриса Анна Ивановна протягивает в нашу сторону смартфон. — Вот как ваш сын ведет на уроках.

Мы молча смотрим видео, которое было снято одноклассницей Арсения из-под парты. Мат на мате, и на очень заковыристом и хорошо построенном мате.

Если кратко, то Арс посылает Зинаиду Аркадьевну в пешее эротическое, сомневается в ее умственных способностях и заявляет, что она ограниченная женщина, которая только и может, что докапываться до учеников.

Когда видео обрывается на то, что Арс выходит из класса и хлопает дверью, мой сын говорит:

— От своих слов не отказываюсь.

— Это возмутительно! — повышает голос Зинаида Аркадьевна. — Я педагог с многолетним стажем!

Честно сказать, мне все равно на ее истерику сейчас. От нее фонит сладкими духами, и мне приходится даже задерживать дыхание.

— Я предыстория у этой речи есть? — Глеб вскидывает бровь.

— Что? — Анна Ивановна откладывает телефон.

— Или вы хотите сказать, что мой сын встал посреди урока и начал материться? — голос у Глеба спокойный и холодный.

Доехали мы до школы в гнетущем молчании. И до кабинета директора тоже дошли без слов.

— Да! — Зинаида Аркадьевна скрещивает руки на груди.

— Неужели? — Глеб не сводит с нее взгляда.

Сегодня он встретится с Надей. И, конечно же, я хочу потребовать того, чтобы я присутствовала, но есть ли в этом смысл?

Может, мне стоит отойти в сторону и понаблюдать?

Как же тяжело сидеть рядом с Глебом и играть перед чужими людьми мужа и жену. Я не хочу слушать претензий в сторону моего сына.

— Что бы он вам там ни наговорил, — Зинаида Аркадьевна кривит губы. — Это все ложь. Он проблемный, и всегда юлит, выкручивается, и все выворачивает в свою пользу.

— Так в чем была предыстория всего этого?

Зинаида Аркадьевна нервничает, а я хочу потащить ее в душ и смыть с нее этот дикий и мерзкий парфюм. С крепкими матами.

— Я громко скрипел стулом, — Арс хмыкает. — Я предложил поменять стул. И пошло-поехало. Я долго терпел, — шуруется на Зинаиду Аркадьевну. — И общался вежливо.

— Вот! — Зинаида Аркадьевна вскидывает в его сторону пухлую руку. — Вежливо общался! Сидел и зубоскалил! Подрывал мой авторитет! А я просто попросила тишины! И не для себя, а для его одноклассников, которые писали сочинение!

— А в чем была проблема поменять стул? — спрашиваю я.

Да что мне твой стул, дура? Вот это проблема! У нас весь мир перевернулся, а она про стулья вещает. Идиотка.

— Я, что, должна была бегать в поисках стула для вашего сына? Свободных стульев в классе не было! И знаете? Он настолько обнаглел, что ему даже предложили поменяться стульями! Он всех держит в страхе!

— Стульями, я так понимаю, не поменялись? — хмыкает Глеб.

— Запретила, — Арс вздыхает. — И сказала, что я расшатаю и чужой стул, потому что вот такая моя суть. Только и думаю, как сорвать урок и довести ее до слез. В прошлый раз я

громко шелкал ручкой. И, внимание, — Арс переводит взгляд на Зинаиду Аркадьевну, — у меня была обычная ручка. Как я ей мог шелкать — большая загадка.

— Но ты чем-то шелкал, — шипит Зинаида Аркадьевна. — Я это знаю.

— Подождите, — Анна Ивановна медленно выдыхает, — мы говорим не о ручках, а о том, что ваш сын использует нецензурную лексику в агрессивном тоне.

— А ее можно использовать в ласковом или вежливом тоне? — Глеб удивленно приподнимает бровь.

Анна Ивановна и Зинаида Аркадьевна зависают на минуту от вопроса Глеба, который поправляет галстук в ожидании ответа.

— И у кого он всего это набрался? — Зинаида Аркадьевна очухивается и идет в атаку.

— Точно не у меня, — Глеб пожимает плечами. — Я не способен выстраивать длинные предложения с матами так, чтобы они четко донесли суть претензии.

Судя по тону, Глеб тоже хочет послать ее в пешее эротическое.

— Это... у меня нет слов... — Зинаида Аркадьевна охает. — Ваш сын ведет себя похамски, унижает взрослого человека, а вы его поощряете?

— Я соглашусь в том, что следует избегать нецензурной лексики, — я сдержанно улыбаюсь. — Ведь донести свою мысль можно без матов, и донести ее так, что будет куда обиднее для оппонента. И у моего сына почему-то всегда особые проблемы именно с вами, Зинаида Аркадьевна. Мы обязательно проведем беседу с сыном, что стоит избегать нецензурной лексики особенно на уроках литературы. С другой стороны, тот же Пушкин баловался пошлостями и общенной лексикой. А Есенин? А Блок?

— Ну, теперь у меня вопросов не осталось, — Зинаида Аркадьевна с осуждением качает головой. — Тут проблема в семье.

Вот падла. Ты даже не представляешь какая у нас проблема нарисовалась.

— Вы не боитесь остаться без работы? — Глеб усмехается. — Или я тоже должен, по вашему мнению, сейчас потупить глазки, как забитый ученик?

— Зинаида Аркадьевна, — шепчет Анна Ивановна. — Это было лишним.

— Да, это было лишним, — Глеб лезет в карман и достает ручку. Не спуская взгляда с бледной Зинаиды Аркадьевны шелкает несколько раз. — Я бы тоже сейчас с удовольствием покрыл вас отборным матом, но у меня с ним проблемы. И дело не в воспитании, а в том, что у меня с ним проблемы. Красиво завернуть их я не смогу.

— Возможно, нам всем стоит успокоиться, — тихо предлагает Зинаида Аркадьевна.

— Ваш многолетний стаж ничего не стоит, если я так решу, — Глеб встает. — И я сделал вывод, что педагог вы отвратительный. Больше мне нечего сказать.

Зинаида Аркадьевна и Анна Павловна переводят на меня взгляд в ожидании поддержки, а я тоже торопливо встаю и буквально вылетаю в пустой коридор, прижав руку ко рту.

Добежу до туалета или выпустить из себя завтрак с огурчиками в горшок с красивой пальмой у окна?

— Даже меня замутило от ее воню, — говорит рядом Глеб и протягивает пакет, который я выхватываю дрожащей рукой.

Отворачиваюсь и меня выворачивает в шуршащий пакетик. Я бы и до горшка с пальмой не добежала.

— Может, стоило на Булку и блевануть? — ехидно спрашивает Арс. — Это было бы феерично.

— Иди на уроки, — отзывается Глеб, — и вся эта ситуация, Арс, не значит того, что ты можешь теперь хамить направо и налево.

Сплюываю в пакетик, и Глеб протягивает платок.

— И тебя так часто будет накрывать? — с беспокойством спрашивает Арс, когда я вытираю губы. — Это нормально?

— Да, — тихо говорю я. — Со всеми вами так было, — выдыхаю. — Иди на урок, милый. Арс уходит, а я приваливаюсь к стене.

— Я хочу с тобой поехать в женскую консультацию, — говорит Глеб и хмуро на меня смотрит.

— Чтобы проконтролировать? — завязываю пакетик.

— Возможно.

— У тебя есть, кого сейчас контролировать и кого приструнить, Глеб, — медленно моргаю. — И я говорю тебе это без желания укунить или уколоть, — перевожу на него взгляд. — Вот оно как будет теперь у нас.

Отталкиваюсь от стены, всматриваюсь в сердитые глаза Глеба и шепчу:

— Я тебе обязательно отчитаюсь. Я не хочу, чтобы ты сегодня шел со мной к гинекологу. Во мне нет сейчас волнительного трепета, которым я в другие беременности хотела с тобой делиться. Держать тебя за руку... ну и так далее.

Разворачиваюсь и шагаю по пустому коридору, чувствуя на спине тяжелый взгляд Глеба.

Будь все иначе, я бы хотела, чтобы Глеб сопровождал меня в женскую консультацию. И дело не в том, что я жутко обижена на него или что он противен мне. Нет, не чувствую к нему отвращения.

Я сейчас сбегая от него, чтобы выдохнуть хотя бы ненадолго. И без него осознать, что у нас будет четвертый ребенок, к которому я совсем не готова.

И, наверное, я его попрошу съехать.

Глава 26. Нет! Нет! Нет!

— Нет, — шепчу я, — нет. Вы ошиблись. Этого не может быть. Глупость какая...

Я хочу соскочить с кушетки и сбежать из кабинета прямо без трусов. И с криками. Дикими истошными криками.

— Пять недель и два плодных яйца, — узистка аккуратно проворачивает во мне датчик УЗИ.

— Нет, — категорично заявляю я.

Узистка переводит на меня снисходительный взгляд, опускает очки на кончик носа и вздыхает:

— Да.

А потом показывает на экран пальцем, но он у меня расплывается, и ничерта там не вижу кроме “тебе жопа, Нина”.

Узистка медленно вынимает из меня датчик, сует салфетки и говорит:

— Я в таком не ошибаюсь. И... поздравляю.

— Не надо меня поздравлять! — повышу голос и вытираю себя между ног. Зло откидываю салфетку в урну, но промахиваюсь. — Это абсурд! Там один!

— Два.

— Один!

— Два.

— Один!

— Мы можем до бесконечности спорить, но у вас будет двойня.

— Я вам не верю! — встаю я тянусь к стулу за трусиками. — У меня и так трое! Будет пять?

— Да, — узистка пожимает плечами. — Такое случается. Возраст, несколько беременностей.

— Это, что, дружок моего мужа на радостях, что его не отчищают решил меня порадовать двойней?

Узистка поднимается на ноги, стягивает перчатки, подхватывает распечатанный снимок моего УЗИ и шагает к рабочему столу. Садится за компьютер:

— Сегодня день начался как-то не очень, — щелкает по клавиатуре. — Вы у меня третья за сегодня. И никто из вас не писался кипятком от радости. Одна разрыдалась, вторая ушла в молчаливый ступор, а вы скандадите, будто это я постаралась для двойни, — переводит взгляд с экрана на меня и устало говорит, — дети — это счастье.

— Пять счастья как-то многовато! Я же пила таблетки.

— Ну вот, — вновь смотрит на экран, — Гормональные контрацептивы тоже повышают шанс многоплодной беременности. Ну и таблеточки стоит перестать пить.

— А то я не знаю, — натягиваю брюки.

— Откуда такая паника? Муж не будет рад?

— Это не ваше дело, — зло застегиваю ширинку.

— Согласна, — сосредоточенно щелкает клавиатурой.

Сжимаю переносицу, медленно выдыхаю, пытаюсь собраться с мыслями, и шепчу:

— Извините меня. Я не должна была срываться на вас. Я... У меня сейчас все очень непросто в жизни, поэтому...

— А жизнь бывает простой? — спрашивает узистка. — Она простая для дураков и блаженных. И вы можете успокоить себя тем, что у вас не тройня, например, или даже не квартет. А могло бы и пятеро быть.

— Прекратите, — на меня накатывает волна тошноты.

— Процент, конечно, маленький, но жизнь любит преподносить сюрпризы. У меня как-то была женщина и с шестью. Тяжелая была беременность, все недоношенными родились, но живыми. Выходили.

Гудит принтер. Через минуту Узистка крепит степлером снимок к заключению и протягивает его мне:

— Я отправлю вашему врачу еще и электронный вариант. И она подтвердит мои слова. У вас все получится.

— Думаете? — жалобно шепчу я и вот-вот разрыдаюсь.

Я-то и одного не планировала рожать, а тут двоих! И я хочу потребовать от узистки, чтобы она все исправила. Да, это глупо, но я не могу сейчас мыслить рационально. Я, как женщина, которую ждет развод из-за беременной потаскухи, паникую. Я вся в холодных мурашках. От макушки до пят.

Двое!

Только решила, что я возьму себя в руки и включу голову, как мне по ней опять шандарахнуло.

И кто-то должен взять меня на ручки, прижать к себе и шепнуть, что все будет хорошо. А потом не мешало бы чмокнуть в носик, укрыть одеялком и принести чашку горячего чая.

Но меня ждет развод, юристы, адвокаты, беготня с горящей задницей, попытки вырулить с Глебом из дерьма не психованными и дергаными врагами. А еще жуткий токсикоз, отеки, эмоциональные горки и пятнистая рожа.

Я ненавижу свою жизнь.

Как же я завидую сейчас одиноким женщинам. Или молодым девочкам, которые могут упорхнуть из брака легкими бабочками в светлое будущее, гордо встряхнув волосами и вскинув подбородок.

— Вы же мать с опытом, — узистка подбадривающе улыбается, вырывая меня из бурлящего потока мыслей, — точно справитесь. А если муж выкобенивается, пару раз приложите о его голову сковородкой.

Нервно смеюсь и сдавленно отвечаю:

— Все куда сложнее.

— Нагуляла? — шепчет узистка и округляет глаза. — И, дура такая, мужу сказала?

— Нет, — медленно качаю головой. — Я пойду.

— Давай, мать, — решительно смотрит на меня. — Сопли не распускай.

Отступаю, подхватываю пиджак и выхожу. Перед глазами все плывет. Не распускать сопли?

А я вот хочу соплей, слез и криков.

Мне надо на воздух. Подставить лицо под холодный ветерок, собраться с духом и только потом вернуться к врачу, который подтвердит слова узистки.

Я жду двойню.

Несколько поворотов. Плетусь мимо регистрационной стойки, милая девушка-администратор клиники говорит:

— Хорошего дня.

— Я еще вернусь. Мне надо подышать...

В дверях сталкиваюсь с худой женщиной, тихо извиняюсь и выхожу на крыльцо.

И не сразу понимаю, что в нескольких шагах от лестницы стоит Глеб, спрятав руки в карманы.

— Вот черт... — короткий смешок, и я прикладываю ладонь ко лбу.

— Рассказывай, — смотрит на меня в напряженном ожидании, переводит взгляд на бумажки в моей руке и делает шаг к лестнице. — Нин. Ты чего молчишь?

Глава 27. Это лирика

— Нина...

Явился. За такси, что ли, проследил?

Каков мерзавец.

Обрюхатил студентку. Но это ладно.

Он одарил меня двойной радостью.

Это что вообще такое! В сорок пять лет после подозрений на рак простаты так четко выстрелить в меня и пробить гормональную защиту.

Вот это наглость.

И только он мог так меня нагнуть.

Сволочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.